

Олег Васильевич Филатов

Операция «Царский ковчег»

Трилогия. Книга 3.
Соединяя берега

Олег Филатов

**Операция «Царский
ковчег». Трилогия. Книга
3. Соединяя берега**

«Издательские решения»

Филатов О. В.

Операция «Царский ковчег». Трилогия. Книга 3. Соединяя берега
/ О. В. Филатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933460-2

О содержании книги рассказывается во вступлении. Царская кровь требует экспертизы. (Опыт международного сотрудничества независимых научных групп Германии, России, Финляндии, Японии по теме: «Идентификация личности гражданина СССР Филатова В. К. как Цесаревича Алексея Николаевича Романова в период с 1994 г. по 2003 г.»)

ISBN 978-5-44-933460-2

© Филатов О. В.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ТРЕТЬЯ	6
ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ	7
ПОД НЕБОМ СУОМИ. ДОРОГА В ХЕЛЬСИНКИ	33
ПРИЁМ В ХЕЛЬСИНКИ	39
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Операция «Царский ковчег» Трилогия. Книга 3. Соединяя берега

Олег Васильевич Филатов

СОЕДИНЯЯ БЕРЕГА

© Олег Васильевич Филатов, 2019

ISBN 978-5-4493-3460-2 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-3453-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ТРЕТЬЯ

Царская кровь требует экспертизы

(Опыт международного сотрудничества независимых научных групп Германии, России, Финляндии, Японии по теме: «Идентификация личности гражданина СССР Филатова В. К. как Цесаревича Алексея Николаевича Романова в период с 1994 г. по 2003 г.»).

ВСТУПЛЕНИЕ

Прежде чем приступить к исследованиям по теме: «Идентификация личности гражданина СССР Филатова В. К. как Цесаревича Алексея Николаевича Романова, сына Императора России Николая II», автору необходимо было определить реальные возможности научно—исследовательских и судебно-медицинских учреждений и лабораторий в области комплексной идентификации личности, как в России так и за её пределами. В России на тот период времени имелся огромный опыт в этой области, но ещё не был принят «Закон об идентификации личности». Принят ли он сегодня, автору это не известно

В мировой практике принято, чтобы исследования были независимыми и носили объективный характер, для чего необходимо соблюдать чистоту эксперимента. В связи с этим было принято решение: перенести часть из них в судебно—медицинские учреждения других стран, где имелся к тому времени большой опыт работы с применением методов генноидентификационного исследования личности человека. На период 1994 года такими странами могли быть Англия, Германия, США, Япония. Справедливости ради, надо отметить, что в России к тому времени материальная база в учреждениях такого рода была ещё слаборазвита. И в этом нет вины учёных, поскольку они не вправе распоряжаться бюджетом государства. Данная работа была рассчитана не на один год и носила многоступенчатый характер. Диктовалось это высокой степенью ответственности исполнителей, в том числе, в принятии окончательных решений и учёта их последствий. Несомненно, и то, что эта работа имеет важное научное и социальное звучание, поскольку служит делу установления истины

ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ

Наступил 1983 год. Лето было знойное. Жара достигала 40 градусов. Дождей не было уже месяц. В такую жару легче всего было спастись в саду или на берегу реки. Алексис Шмидт, а теперь он носил имя Василий Филатов, сидел со своим сыном и намечал план действий. Расположились они среди фруктовых деревьев за столом, пили чай с вареньем и морс. Филатов считал своим долгом передать сыну необходимые знания и связи. Дело предстояло сложное и по своему содержанию и по исполнению. Понимая, что времени у него осталось немного, он всеми силами стремился к тому, чтобы его сын переехал на жительство в Ленинград. Там многое можно было осуществить. Прежде всего, необходимо было решать задачу шаг за шагом, научными методами. Олег спросил отца:

– Папа, а почему ты сам не хочешь заявить о себе?

– Ты знаешь, сейчас ещё не время. Да и сил у меня нет. Вот будет тебе 40 лет вот тогда ты, и займёшься этим делом вплотную.

– Папа, ты же можешь книгу написать о тех событиях.

– А что писать? Уже всё написано. Кому это надо? Ещё живы те, кто в те годы, да и теперь, всячески замалчивает эту историю. Рано ещё. Люди могут пострадать, которые принимали участие в моём спасении. Твоя основная задача молчать. Молчать и готовить себя к длительной работе. Это твой крест. Приедешь в Ленинград, займись поиском материалов в архивах. Трудно тебе будет. Поддержки со стороны государства не жди. Очень многое скрыто от людских глаз. А многого они сами не знают. Наследник никому не нужен. Ведь понимаешь, если он остался в живых, стало быть, им надо будет пересматривать устоявшееся мнение о том, что все погибли. Этого они допустить не могут. Они держат монополию на истину. Главное для них – это получить данные о смерти всех членов царской семьи, и таким образом обратиться в банки, но ничего они не получают. Конечно, они всё сделают, чтобы доказать что я погиб, но знай, это им не поможет. Это у нас в стране они могут сказать всё что хотят, но другие потребуют и других доказательств. А они имеются. Истина выйдет наружу в самое неподходящее для них время, когда они объявят, что дело закрыто. Вот тогда и начнутся у них проблемы. Обман общественного мнения вскроется, и все поймут, что те, кто за этим стоял, ничего не знают и шли они по этой тропе в полном заблуждении. Ведь смотреть будут не на их заключения, а на то, что оставлено в банках, то есть, на чьё имя оставлены личные вклады. Много будет зависеть от того, как поведёт себя церковь. Но тут надежды малые. Родственники, которые съехали на запад, также в этом не заинтересованы.

Даже, если всё сложится не в нашу пользу, всё равно, знай, мне нет никакого смысла вводить тебя в заблуждение и направлять на ложный путь. Я ведь пронёс это через всю жизнь, чтобы вы знали правду, кто её вам расскажет, если не я? В истории много было такого, что не сразу становилось достоянием народа. Были времена полного забвения. Но были и другие случаи. Сколько род человеческий живёт на земле столько и существует борьба за правду. Надо опираться на твёрдые принципы и факты. Учитывать необходимо все нюансы. Рассматривать события в комплексе. Всё о чём я тебе сейчас говорю известно, но, тем не менее, об этом надо ещё раз сказать. Повторенье-мать ученья. Тебе предстоит многое узнать. Многому научиться. Это всегда полезно. Знания не пропадают. Отец Олега умер в 1988 году.

После последнего разговора с отцом прошло пять лет. К этому времени уже были обнаружены так называемые царские останки. Прокуратура РФ начала исследование вопроса. Олег пришёл к выводу, что необходимо начинать работу. Он обратился в мэрию города Ленинграда. Его выслушали и предложили встретиться. Он дал на это своё согласие. 5 апреля в 11 часов утра вместе со своей сестрой Ольгой он приехал в Смольный. Беседа проходила в кабинете

помощника мэра города Санкт-Петербурга А. А. Собчака Александра Брославовича Стебакова.

После трёхчасовой беседы помощник позвонил в ГП РФ к следователю по особо важным делам Соловьёву Владимиру Николаевичу, который в то время вёл следствие по факту убийства семьи императора Николая II на Урале в 1918 году. Говорили они недолго. Александр Брославович в заключение разговора сказал следующее: «У меня здесь сидят двое брат и сестра. Я прошу вас, Владимир Николаевич, в следующий ваш приезд в Санкт-Петербург выслушать их внимательно. Они знают больше в сто раз об этой истории, чем все мы вместе взятые». Олег с сестрой Ольгой, поблагодарив Стебакова, вышли из кабинета. В июле месяце в Петропавловской крепости прошла эксгумация останков младшего брата Николая Александровича Романова Георгия Александровича. Цель этой акции заключалась в том, чтобы взять образцы для ДНК исследований. Вскоре произошла встреча с представителями дома Романовых по линии двоюродного брата Николая Александровича Романова Кирилла. В этот день отмечалась вторая годовщина со дня захоронения в Петропавловском соборе останков сына Великого князя Кирилла, Владимира Кирилловича. После панихиды в соборе в Зимнем дворце был организован концерт. Концерт состоялся в Эрмитажном театре, куда Олег вместе со своей сестрой Ольгой были приглашены мэрией города Санкт-Петербурга.

А 12 июля состоялась встреча в горпрокуратуре Олега и Ольги со следователем Соловьёвым В. Н. Прокурор Мироненко проводил брата и сестру в кабинет, который представлял собой комнату, заваленную ящиками из-под компьютеров. На стенах висели образцы вещдоков, посередине комнаты стоял круглый стол. Олег и Ольга присели на стулья и стали ждать Соловьёва. Он вошёл в кабинет не один, с ним был его коллега, как оказалось впоследствии это бы специалист по воссозданию внешности господин Никитин. Выслушав рассказ, Соловьёв сказал:

– Об этом все тогда знали. Здесь присутствует специалист, который сразу скажет: он или не он.

Никитин посмотрел лежавшие на столе фотографии и сказал:

– Вы думаете, что вот этот похож?

Он указал на фотографию Цесаревича на велосипеде и на фотографию, которую принесли с собой брат и сестра. Олег ответил:

– Мы же к вам обращаемся как к специалистам, а Вы нам предлагаете сделать выводы.

Никитин ничего не ответил. Соловьёв увидел среди документов фотографию Гладких Михаила Павловича и произнёс:

– Вот это, я, пожалуй, возьму.

На что Олег ему заметил:

– Владимир Николаевич, а где протокол с содержанием беседы, а опись на документы? Мы без оформления Вам ничего не оставим.

Соловьёв молчал. Затем он произнёс:

– Наш эксперт не смог установить идентичность данных лиц. У вас же глаза не выпучены как у Александра II. Заниматься мы этим не будем. Олег и Ольга встали и вышли в коридор. Господин Соловьёв был очень раздражён, и вслед уходившим произнёс:

– Ишь, чего захотели, царями стать. Нам что теперь из-за вас всё заново начинать. После этой встречи брат и сестры стали думать, что же им делать дальше, ведь, собственно говоря, цель их посещения сводилась к тому, чтобы помочь своей информацией следствию, поскольку они уже знали, что 2-х скелетов в захоронении под Екатеринбургом не найдено, но их помощь не понадобилась. Жизнь устроена так, что человек просто иной раз и не представляет, как может то или иное знакомство отразиться на его дальнейшей судьбе. Так, очевидно, это произошло и с Олегом. После всех встреч, которые ни к чему не привели, он вспомнил о том, что отец говорил ему еще в детстве. Он говорил, что «надо видеть ясно», то есть иметь ясное пред-

ставление обо всем, что происходит вокруг, соизмеряя это с прошлым, с прецедентами, которые происходили с людьми в таких же или примерно таких же ситуациях. Это все правильно, а как быть, ведь не каждый день происходят такие откровения со стороны твоих же собственных родителей, да еще с таким прошлым. Как быть?! И он решил обратиться за советом к академику Наталье Петровне Бехтеревой, у которой в 1937 году родителей репрессировали, а её отдали в детский дом. Олег рассказал подробно историю об отце, его жизни, мытарствах, у нее возникли вопросы. Первый вопрос: «Сколько ему было лет? – Он сказал, 14 лет». Она подумала и сказала: «Ты знаешь, тогда в 1918 году могло быть все. Могли потерять по дороге, мог сбежать, тогда ведь был 1918, а не 1937 год. Как ученый, как академик, Наталья Петровна посоветовала Олегу провести все экспертизы за границей, поскольку она считала, что здесь их могут сфальсифицировать. А за духовной поддержкой Наталья Петровна посоветовала им обратиться в Софийский собор в г. Пушкине к отцу Геннадию Звереву, настоятелю Софийского собора. «Мой тебе совет, поезжай-ка к отцу Геннадию в Софийский собор в город Пушкин? и обратись от моего имени к нему». Олег и его близкие так всё и сделали. Это помогло Олегу привести свои мысли в порядок, и с этого момента он подверг строгому анализу – научному и духовному – всю информацию, которую получил от отца. Теперь он знал, как и в каком направлении, ему надо двигаться. Отец Геннадий (Зверев), познакомил семью Филатовых, с художником-иконописцем Евгенией Басмановой.

Евгения Басманова закончила Духовную академию в Санкт-Петербурге и институт им. И. Е. Репина. Когда Олег и Анжелика пришли к ней и рассказали о своем отце, она восприняла это очень серьезно и стала помогать им. В частности, жену Олега, Анжелику, она обучила приемам росписи икон, а ему помогала при чтении библии и её толковании. Потом в один из весенних дней 1995 года она предложили Олегу съездить с ней в Великий Новгород к епископу Льву. Поездка поездом заняла около 4 часов. День был пасмурный, в городе кругом лужи. Пришли в епархию к епископу Льву, который после рассказа об отце благословил их на дальнейшую работу. Затем они погуляли по городу и посетили ряд соборов и кремль. После посещения города Великого Новгорода Олег вновь переосмысливал историю России, историю жизни его отца.

Тогда же «Общая газета» опубликовала рассказ Олега об отце, записанный корреспондентом газеты Еленой Кокуриной. Статья называлась «Царская кровь требует экспертизы» от 9 -15 сентября 1994 года. В этой газете также описывалась позиция Генеральной прокуратуры, а именно, прокурора-криминалиста Соловьева В. Н., которая до сих пор не изменилась. Затем было много статей в разных газетах в России и за рубежом, но позиция официальной структуры не меняется. Другие версии не принимаются во внимание.

В 1994 году Олег перешёл на работу в отдел внешнеэкономических связей НПО «Сигнал». И здесь судьба свела его с интересным человеком. Это был Анатолий Иванович Новиков. Он в это время активно сотрудничал с Военно-медицинской академией в области создания медицинских аппаратов. Сам он занимал пост заместителя директора завода по военной приёмке. В стране полным ходом шла конверсия. Дело в том, что завод, на котором работал Олег, был военным и по роду своей деятельности во внешнеэкономическом отделе, он был знаком с данной темой. Анатолий Иванович, выслушав рассказ Олега, немного помолчав, сказал:

– Вот, что Олег, давай, встретимся с ребятами завтра в Академии. Там всё и расскажешь ещё раз. Так и сделали. Олег позвонил сёстрам и объяснил, что необходимо прибыть в Академию к 11 часам утра. На следующий день 9 сентября 1994 года все встретились в Академии на кафедре Судебной медицины. Заведующий кафедрой доктор медицинских наук, профессор, полковник Вячеслав Леонидович Попов приветствовал всех вошедших:

– Добрый день, дорогие друзья!

– Попов Вячеслав Леонидович, заведующий кафедрой судебной медицины. Очень приятно!

- Ольга, очень приятно!
- Олег, очень приятно!
- Надежда, очень приятно!
- Ирина, очень приятно!
- Лидия Кузьминична, очень приятно!
- А это кандидат медицинских наук Ковалёв Андрей Валентинович!
- Очень приятно! — Сказал Ковалёв.
- Итак, господа, мы вас слушаем. — Произнёс Попов.

Олег и его сёстры изложили историю жизни своего отца, как спасённого Цесаревича Алексея и выразили готовность предоставить себя лично для любых научных исследований, с целью: подтвердить происхождение своего отца. Заведующий судебно-медицинской кафедрой профессор Попов В. Л., просмотрел часть документов и фотографий из семейного архива, и проявил интерес к этой проблеме, а именно: к проблеме идентификации личности Филатова В. К., как Цесаревича Алексея. Попов тут же решил, что этим надо заниматься. Он сказал:

– Где же Вы были раньше? Пришли бы вы раньше, нам бы не пришлось вскрывать гробницу Георгия Александровича.

Ольга предложила профессору написать письмо в Университет города Дюссельдорфа профессору Вольфгангу Бонтэ, который в то время возглавлял там кафедру судебной медицины, и одновременно являлся президентом Международной Ассоциации судебных медиков. Предварительно семья дала согласие на такие исследования на территории Германии. Профессор Попов тут же согласился и в присутствии семьи оформил соответствующий текст от имени Военно-медицинской академии.

Ольга провела все необходимые переговоры, и получила положительный ответ. Теперь необходимо было получить такое же согласие со стороны русских учёных. Профессор Попов В. Л. и кандидат медицинских наук Ковалев А. В., которые в начале 90-х годов входили в состав первой Правительственной комиссии, занимавшейся расследованием убийства Царской Семьи на Урале в 1918 году, заявили, что данная версия требует того, чтобы специалисты занялись её проверкой серьёзно. И в письме они подтвердили свои соображения. Они писали, что после обращения семьи Филатовых на кафедру судебной медицины с заявлением о том, что их отец Филатов Василий Ксенофонтович, является спасшимся Цесаревичем Алексеем Николаевичем Романовым, сыном последнего Императора России Николая II, они решили обратиться к немецкой стороне с предложением о сотрудничестве. Поскольку данные, имевшиеся у них, позволяют сделать им вывод о том, что необходима экспертная проверка версии семьи Филатовых, с привлечением специалистов в области судебной медицины, генетики и других областях, требующих особых познаний. Письмо было незамедлительно передано в Университет им. Г. Гейне. Перед поездкой был произведен забор крови у Лидии Кузьминичны Филатовой, супруги Василия Ксенофонтовича. Цель исследований была такова: попытаться выделить из крови детей Филатова ДНК их отца, без исследования его биологического материала. Это было связано с тем, что Генпрокуратура в лице прокурора-криминалиста Соловьева В. Н. отказала в принятии иска от семьи по поводу рассмотрения вопроса о тождестве личности Филатова Василия Ксенофонтовича и Алексея Николаевича Романова – сына последнего Императора Всероссийского – Николая II.

Со стороны семьи последовало приглашение генетику Иванову Павлу, предварительно согласованное с господином Бонтэ. В известность также был поставлен и прокурор-криминалист Генпрокуратуры РФ г-н Соловьев В. Н.

И вот осенью шестнадцатого октября 1994 году Олег и его сестра Ирина вылетели рейсом Аэрофлота из г. Санкт-Петербурга в г. Дюссельдорф. Прежде чем им удалось осуществить эту поездку, понадобилось, чтобы прошел не один год. Уже не было в живых их отца, но осталась память о нем, и его завещание, в котором выражалась его воля – рассказать миру правду

о судьбе его семьи. И его дети, и его жена, и друг Лидия Кузьминична, выполнили этот долг. Для этой цели дети Филатова В. К. и отправились в Германию по приглашению Университета им Г. Гейне. Полёт проходил на высоте 11.000 м, в течение 3 часов. Обычно люди либо что-то читают в полете, либо слушают музыку, а Олегу не хотелось делать ни того, ни другого. Он думал о том, сколько еще предстоит сделать для того, чтобы, очевидные истины, стали доступными для понимания любому человеку, и о том, как их примут в этой стране, городе, институте. Олег думал и о том, как будут развиваться события, связанные с этой темой, темой установления личности его отца Филатова Василия Ксенофоновича, как Цесаревича Николая Алексеевича Романова, и каковы будут её последствия. Три часа пролетели незаметно. Самолет прибыл в аэропорт г. Дюссельдорфа около полудня. Стояла теплая осенняя погода. День был ясный. Некоторое время им пришлось ждать автобус, и только третий привёз их к аэровокзальному комплексу. Он оказался большим и светлым зданием из стекла и бетона. Войдя вовнутрь аэровокзала, они увидели странную картину. На местах, где работал обслуживающий персонал, почти не было видно немцев. Там в основном работали турчанки. Для себя он сделал вывод, что для немцев работа на этих должностях не престижна, и что у них на сегодняшний день достаточно сбережений для того, чтобы позволять себе отдыхать где-нибудь на острове Майорка. И действительно, расписание полётов говорило о том, что в этом направлении немцы летали пять раз в неделю. Олег и его сёстры не сразу сориентировались, к какому выходу им надо идти. Наконец, им объяснили, и они вышли за стены аэропорта, где их ждало такси, около которого стоял Вернер Гавриш, их друг.

Он был первым и единственным иностранцем, которому отец открылся как Цесаревич Алексей. Вернер беседовал с отцом при жизни и оставил воспоминания о нем как о цесаревиче Алексее. Знакомство отца и Вернера состоялось в 1984 году благодаря тому, что родная сестра Олега Ольга и Вернер собирались пожениться и конечно, Ольга решила познакомить его со своими родителями. Тогда Вернер работал на строительстве Астраханского газоконденсатного комбината инженером по шефмонтажу, где он представлял в течение семи лет немецкую фирму «Маннесманн». Но в этот раз он принимал у себя.

Ольга Филатова вместе со своим другом Вернером Гавришом, 14 сентября 1994 года передала профессору Бонтэ письмо от профессора Попова В. Л. и кандидата медицинских наук Ковалева А. В.

А незадолго до этого в своём очередном послании в адрес Олега профессор Бонтэ просил, чтобы Олег информировал профессора Попова В. Л. о его заинтересованности в совместной работе. В нём он сообщил также, что у него имеются результаты исследований, проведённых русским генетиком П. Ивановым, и что он готов провести соответствующие анализы крови семьи Филатовых. Он выразил также уверенность в том, что профессор Попов В. Л. сможет провести соответствующие антропологические и одонтологические исследования. Далее он отметил, что немецкая сторона, гораздо лучше вооружена в этих научных областях, чем Россия и попросил Олега также сообщить ему о дальнейших шагах, которые предпримет профессор Попов В. Л.

После проведения предварительных переговоров между заинтересованными сторонами последовали приглашения профессорам Попову В. Л., Балину В. Н., Трезубову В. Н. и кандидату медицинских наук Ковалеву А. В. посетить Германию с деловым научным визитом.

В приглашении профессор писал кандидату медицинских наук Ковалеву А. В., что институт заинтересован в совместной научной работе и ее конкретизации. И что требуется подробнейший рабочий разговор, в котором будут установлены все детали. Основным пунктом в рабочем разговоре должны были стать возможности идентификации с помощью антропологических, одонтологических и серологических, то есть генетических методов.

Но здесь не обошлось без противодействия лиц, не заинтересованных в данном сотрудничестве. Профессору Попову В. Л. было сказано руководством, что данная поездка не будет

иметь смысла. Проще говоря, его не пустили, не отпустили и его коллег на работу в заграничные учреждения, сославшись на уважительные причины.

Немецкие ученые надеялись до последнего момента, что развитие событий пойдет по положительному сценарию, то есть что они совместно с русскими учеными смогут провести эту трудную, но интересную в научном и историческом плане работу. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Бюрократы от науки победили, и Бог тому свидетель, немецкая сторона сделала все, что было в её силах для установления истины.

Итак, после всех переговоров 16 октября, в Германию прибыла только семья Филатовых. Ученые остались работать на своих кафедрах в институтах и академиях.

Олега и Ирину из аэропорта доставили в отель «Остваль», название которого переводится с немецкого языка на русский, как «Восточный вал», где они прожили с 16 октября по 23 октября. К этому времени сестра Олега Надежда, которая к этому проживала в Штутгарте, приехала в Дюссельдорф вместе со своим мужем Петером. А Ольга со своей дочерью Ольгой жила в Крефельде и приезжала в Дюссельдорф вместе с Вернером к 11 часам утра. Утром к 10 часам Олег и Ирина шли на первый этаж в ресторан. На завтрак им подавали булочки со сливочным маслом, горячий кофе, сыр, мясо-фарш, фрукты, настои из трав. Погода в те дни в Дюссельдорфе стояла солнечная. И она способствовала тому, что телевизионщики могли работать с ними на улицах города каждый день. Дюссельдорф – это небольшой город с населением в 600 тысяч человек. В центре города находился парк с многочисленными зелеными насаждениями. Этот парк был не единственным в этом городе, их было много. Город состоит в основном из двух-трех этажных домов. В центре города стоят «высотки», где располагаются офисы контор. Ведь это центр электронной промышленности Германии. Ирина и Олег побывали помимо самого Дюссельдорфа в г. Крефельде. Город Крефельд находился недалеко от г. Дюссельдорфа. Таких городков в Германии много. Они соединяются между собой трамвайными путями. Трамваи, которые курсируют между городками, очень просторные, в них даже имеются вагоны со столиками, где во время поездки можно подкрепиться завтраком, если едешь рано на работу. В них ездит в свои школы очень много детей, причем можно встретить и японских и африканских детей. Местность здесь ровная, без холмов. Вокруг простираются зеленые поля и небольшие зеленые рощицы. Почему небольшие? Потому, что между ними находятся заводы, которые и занимают основные площади.

Как-то проезжая с Вернером по такой местности в трамвае, Олег обратил внимание на то, что рядом с полями, где пасутся коровы, находятся заводы, которые сильно дымят трубами. На что Вернер ответил ему, что это обычное дело. – «Это абсолютно безопасно, Олег. У нас рядом с такими заводами находятся поля, на которых выращивают ту продукцию, из которой готовят «детское питание». Такое объяснение всё-таки вызвало у Олега недоумение. Ещё он обратил внимание на то, что земля в лесопарках разбита на квадратные метры. В каждый метр забит железный костыль с номером, и он поинтересовался у Вернера, почему так сделано. Он ответил, что землю берегут, и поэтому вся она находится на учёте. Но земля стоит очень дорого. Олег понял, что земли просто не хватает. Такая ситуация с землей сложилась не только в самой Германии, но и в других странах Европы. Свободных земель осталось мало. Обращал внимание на себя тот факт, что именно там, где нельзя расширять производство за счёт приобретения новых земель, владельцы предприятий, которые располагаются именно на этих территориях, стараются не рушить старые цеха и не строить новые. Если специалисты определяют, что здания фабрик или завода еще прочны и пригодны к использованию, то для увеличения объёмов производства их владельцами устанавливается современное оборудование и предприятие продолжает работу. Однако промышленность развивается и требует новых площадей, а их не хватает, поскольку не хватает земли. Будущим владельцам предприятий приходится платить за землю втридорога, постоянно совершенствовать производство, что и происходит. В связи

с этим многим из них приходится располагать своё производство в других странах или покупать товар в этих странах.

Олег и Вернер обсуждали и другие темы, в частности о дорогах и автомобилях. Утром в Германии, когда все едут на работу, на автострадах творится что-то невероятное. Автомобильными запружено все дорожное пространство. И на самом деле, всё выглядит так, как будто никто никуда не спешит.

Все стоят и ждут, когда впереди рассосётся «пробка». Как-то Олег спросил у одного из водителей: «Скажите, пожалуйста, если Вам придётся долго стоять в автомобильной „пробке“, Вы ведь опоздаете на работу?» – Глядя на него с невозмутимым видом, он ответил: «Ничего, это не страшно. Насколько минут я опоздаю, ровно настолько я и задержусь на работе». Мимо скоростных автомобилей с торжествующим видом проскакивали велосипедисты. Они улыбались и помахивали руками, чем вызывали ворчание у водителей авто. Олег спросил у Вернера: «Скажи, пожалуйста, сколько у Вас населения?» Он отвечал: «80 миллионов человек, но ты знаешь, Олег, у нас 60 миллионов автомобилей. Это плохо, потому что воздух не очищается. У нас все заасфальтировано. Это очень плохо, потому что когда выпадает много осадков в виде дождя, то воде некуда деваться и бывают наводнения. Это издержки нашего индустриального общества. И плохо то, что у нас нет своего газа и нефти. Точнее, кое-что есть на побережье Северного моря. Но этого мало. Мы завозим нефть из Марокко, Саудовской Аравии, а газ получаем из России. Однако 80% предприятий этой отрасли контролируют американские фирмы. Это тоже издержки нашего общества». Что касается других проблем, которые можно было бы обсудить, сравнивая их с теми проблемами, которые существуют в России, то они, собственно говоря, в Германии никого особо не интересуют. Разве что проблемы поставок энергоносителей и долга России. Это, наверное, единственная проблема, которая волнует сердца и умы немецкого правительства в отношениях Германии с Россией, не считая вопроса немецких переселенцев.

Пока Олег с сестрой Ириной были в Германии, Вернер каждый день водил их на обед и на ужин в новый ресторан. Держателями этих ресторанов являются представители разных стран, и все они уживаются в этом городе, всем хватает места, посетителей и денег. Это было интересно, так как каждый ресторан представляет свою национальную кухню.

Однажды Вернер пригласил их в немецкий ресторан. Угощали пивом с сосисками. При чем в начале пили светлое пиво, а затем их угостили тёмным пивом. Олег спросил у Вернера: «Вернер, скажи, пожалуйста, в чём заключается отличие в употреблении этих сортов пива?» – «Понимаешь, Олег, если ты пьешь светлое пиво, ты настоящий немец, ты северянин. А если ты пьешь темное пиво, ты также настоящий немец, но южанин. А если серьёзно, то я так считаю, что тёмное пиво – лечит сосуды, а светлое пиво – почки».

В другой раз Вернер пригласил всех к себе домой в гости. Гости сидели в его уютной квартире, в г. Крефельде, пили пиво и беседовали обо всем на свете. Вернер вспоминал о своём детстве, учебу в Университете, свои поездки за рубеж, и работу в разных странах. Говорили, конечно, и о России. Ольга вспомнила о домике на юге, где в последние годы они жили с отцом, там бывал и Вернер. Обращаясь к нему, она сказала: «Знаешь Вернер, я думаю и ты, и все присутствующие, согласятся со мной, что, размышляя уже в зрелые годы о жизни отца и матери, начинаешь многое понимать в их поступках и словах, глубже оценивать их мудрость».

В моей памяти так и остался мой дорогой отец: хромой, худой, жилистый, искалеченный, человек с лицом святого. Лицом ясным, мудрым, задумчивым, светящимся необыкновенной добротой, но всегда печальным.

Бывало, приедешь из города с полными сумками домой, а он ждет у калитки, вздыхает: «Ох, ма! Олечка приехала». Пропустит меня вперед, а сам стоит, напряженно вглядываясь в даль, как будто ждёт ещё кого-то.

Ты помнишь, Вернер, моего отца? Конечно же, помнишь. Ты же жил в Астраханской области. Это Петер, наверное, не представляет себе, каким он человеком был, и как мы жили. Я думаю, Петер, тебе будет интересно услышать это именно от нас. Так вот, село, в котором мы жили 17 лет, расположено на берегу Волги, в ее дельте с многочисленными притоками и ответвлениями при впадении в Каспийское море, с небольшими ильменями, окаймленными камышами и зарослями ивняка. Туда зимой и летом прилетают белые цапли, аисты и другие редкие птицы. На берегах Каспия, в Астраханской области находится заповедник, охраняемый государством. В нём проживают редчайшие виды животных и растений планеты, занесенные в Красную книгу ЮНЕСКО. Летом водная поверхность покрывается белыми кувшинками. Воздух в волжской степи особенный, напоенный влагой, душистой свежестью с цветущих полей. Весной вода в реке прибывает из-за половодья в верховьях Волги и затапливает прибрежную территорию села, поэтому берега укрепляют бетонными сваями от разрушения.

В мае открывался сезон рыбалки, а для рыболовецких хозяйств – путина – время, когда производится лов рыбы.

Река Волга славится особыми породами рыб: осетровыми, воблой, судаком и другими. Мясо осетровых – нежное, бело-розового цвета, ценно своими питательными свойствами, а чёрная икра – на вес золота не только своими питательными свойствами, но и лечебными. Так больному человеку, страдающему малокровием, упадком сил после тяжелой болезни, достаточно небольшого количества икры, чтобы восстановить силы или улучшить состав крови. Так мои родители могли поправить после Севера себе здоровье, питаясь овощами, фруктами, и добавляя иногда в рацион после заболеваний, особенно отец и, младшая дочь, икру и рыбу осетровых пород.

Все жители, от мала до велика, удят воблу, леща, сазана и другую рыбу. Вся река вдоль села и несколькими километрами ниже усеяна лодками и рыбаками. Мы также любили это время еще потому, что в конце, а иногда и в середине мая можно было купаться, загорать – наступали летние каникулы. Ходили с отцом на рыбалку, варили уху, солили и сушили воблу и лещей. Матушка Волга всех кормила.

Лето в Астраханской области необыкновенно жаркое (температура на солнце доходит до +50 С), долгое, с редкими дождями. В деревнях в дневное время люди старались сидеть в тени фруктовых садов, пережидая жару до вечера, чтобы приняться вновь за работу: поливать, пропалывать, готовить ужин и так далее.

В нашем саду, выращенном отцом и матерью, был небольшой водоем, по краям которого росли желтые и сиреневые ирисы на изгороди высокой стеной, вился дикий виноград. Рядом с калиткой рос огромный тутовник, ягоды которого всегда были разного цвета: черные и белые. Далее вдоль дома шла кирпичная дорожка, поднимавшаяся террасой к входным дверям дома, ее поливали несколько раз в день водой из шланга. С правой стороны были грядки клубники, росло несколько розовых кустов, которые цвели до глубокой осени. В глубине сада росли разные сорта абрикосов, вишни, персиков, слив, яблонь. Столовый виноград завивался на крышу летней веранды, затянутой сеткой от назойливых мух и комаров. На веранде пили чай в жару, а после 17 часов обедали. Ночью спали в саду под марлевыми пологам.

Прохладный воздух тянулся с реки, сад наливался ароматом цветущей датуры, табака и роз. Южные ночи – черные, когда не светит луна, а небо усыпано яркими крупными звездами. На таком небе мы с отцом без труда находили созвездия «Малой» и «Большой медведиц», «Полярную звезду», созвездие «Стрельца». Ничто не нарушало тишины, только слышен был где-то редкий лай собак, да ёжик шуршал листвой, таская упавшие яблоки к себе в норку. Под кровом родительского дома всегда спалось спокойно, все тревоги исчезали куда-то, как будто ты попадал под какую-то неведомую защиту, и никакие беды тебе не были страшны. Утром, часов в пять, где-то в ивняке на реке «Хурдун» начинала куковать кукушка. Днем в саду вились пчелы и осы над цветущими помидорами и цветками желтого шафрана и календулы, выгля-

дывавших среди зеленых насаждений. Вдоль дорожек цвели фиалки и анютины глазки. «Наш райский уголок», – называла его моя тетя Оля, сестра моей матери, приезжавшая с дочерью Светланой и внуком Русланом на лето из хмурого Ленинграда.

Все дома в селе построены в основном из камыша, глины и дерева – «камышанки». По старинному обычаю дома обносились высокими заборами, впереди дома палисадник с метровым забором, чтобы не загораживать свет, падающий в окна. В палисадниках обычно высаживали сирень, жасмин, цветы, это очень украшало улицу. Так что любопытным оставалось рассматривать верхушки деревьев.

Отец последние десять лет всё время болел, но заставлял себя двигаться по саду, делал гимнастику, работал физически, колот дрова, когда мог, старался поддерживать форму, вовремя брился, менял рубашки, согревая свое немощное тело, надевал жилетку из оленьего меха. «Ох, ты! Боже мой, доченька, опять я еле можахом» – вздыхал он и принимался за чтение или шахматы, чтобы отвлечься от болей, – «живи, коли можется; помирай, коли хочется». Но, несмотря на это, на голове моего отца копна черных, как смоль, волос (так и не появился ни один седой волос до самой смерти), и лоб был высокий и широкий, гладкий, увенчанный благородной мыслью, только с годами на щеках залегли несколько глубоких морщин. Таким он остался в моей памяти.

Жизнь в селе протекала однообразно. Дни проходили, загруженные работой по дому и в саду у родителей, мама шила людям, папа ей помогал. И, казалось, ничто не сможет нарушить этого спокойствия. Зимой мы всегда ждали, когда кончится холод, и мы перестанем топить печи. К счастью, на юге России зима была короткой и в марте уже ярко светило солнце, прилетали грачи. Мама готовилась к весенним посадкам, отец с палочкой гулял вокруг дома, осматривал, цел ли забор, проверял скворечник. Наконец, наступал долгожданный май, и сад зацвёл буйным цветом: цвели яблони, сирень, розовые персики и сливы, абрикосы, тутовник и акация. Все благоухало. Пели скворцы ранним утром. Казалось, что счастье родного дома и надежды на лучшее будущее никогда не покинут нас».

Ирина, сидевшая рядом с Ольгой, прервав её монолог, спросила: «Оля, а ты помнишь, как мы жили в немецкой деревне Претория на Южном Урале? Помнишь, как вечером вся семья собиралась на ужин? Мама приносила душистый оренбургский каравай, испеченный в тот же день в специальной печи, которая стояла на улице, а папа нарезал ломти хлеба. Мы дружно помогали ставить на стол тарелки, кружки, ложки. Ужин был всегда скромным: душистый хлеб, теплый и ноздреватый, парное молоко или молочная каша. Летом овощи и картошка. Колбаса и сыр тоже входили в наше меню. Колхоз имел сыроварню и колбасный цех. Местное население само изготавливало в домашних условиях и сыр, и колбасу. Рецепты по изготовлению колбасы немцам и голландцам передавались от их бабушек и дедушек.

После ужина мы помогали мыть посуду, убираться на кухне, а потом шли с отцом в детскую комнату, где папа рассказывал нам интересные истории, учил играть в шахматы, шашки. К нам по вечерам приходили друзья – одноклассники послушать папины рассказы, поучиться игре в шахматы и шашки. Иногда разгоралась целая дискуссия между играющими на тему: кто прав, а кто нет, ну и, естественно, судьей был отец. В возрасте пяти лет я могла уже обыгрывать соседских ребятшек. Особенно мне нравилось, как папа показывал окончание игры в шашки, когда, кажется, что ты уже выиграл, у тебя перевес в игре, а на самом деле оказываешься побежденным. Игра заключалась в следующем: в конце игры «Поддавки», один из играющих остается с большим количеством шашек, у него остаётся примерно, восемь шашек, а другой игрок имеет шашки две. Тебе остается только поддаться, и победа за тобой. Ан, нет, не тут было! Противник выигрывает одну шашку, а тебе приходится за один ход забирать восемь шашек. Играя и в шашки, и в шахматы нужно было учиться думать, учить правила, решать задачи, уметь запоминать защиты, дебюты и так далее. У отца любимыми защитами были защита «Кара-Кан» и защита «Алехина». Но особенно мне запомнились музыкальные вечера в нашем доме.

Оля, ты помнишь, как у нас в доме собиралось по 15—20 учителей, а то и больше. Много пели, шутили, смеялись. Столы были уставлены закусками и напитками. Мы принимали непосредственное участие в подготовке таких вечеров: помогали родителям накрыть столы, сбегать в магазин за чем-нибудь съестным. Но в основном было все свое, так как денег не хватало, да и семья была большой. Работали у нас тогда только мама и папа. Гитара и балалайка всегда были на месте. Когда подходили большие праздники, маме приходили помогать ее подруги.

И вот настает торжественный момент – приход гостей. Их встречают родители. Приглашенные здороваются, проходят в комнату и сразу же начинаются разговоры: мужчины о политике, женщины о домашних делах, о воспитании детей, о моде. Что характерно, отец больше слушал, чем высказывал свое мнение, или вообще его не высказывал, только соглашаясь и поддавая: «Ну да, в общем-то, я согласен с Яковом Яковичем».

После нескольких тостов слушали музыкальные номера в исполнении моих родителей и гостей. Под аккомпанемент баяна пели душевные русские песни, романсы, играли вальсы, танцевали.

В дни каникул или в праздничные дни, люди ходили друг к другу в гости, или в школу, школьный зал был полон людей, все танцевали. Центральным местом также был клуб. Новый год и дни рождения были для нас особыми праздниками. Мы ждали подарков, и сами готовили их для родителей, друг для друга. Наряжали елку всей семьей, вешали электрическую гирлянду, ставили Деда Мороза со Снегурочкой под елку, а потом ждали, пока папа включит её. Она вспыхивала разноцветными огоньками, елка преображалась и становилась еще нарядней. Осенью мы, дети, наблюдали и, если могли, то принимали посильное участие вместе с родителями в домашних заготовках на зиму: коптили мясо, консервировали фрукты и овощи, солили капусту, огурцы, мочили яблоки, варили варенья, то есть вели подсобное хозяйство, иначе было бы не прожить. Я всё удивляюсь сейчас, как это хватало моим родителям энергии для того, чтобы успеть прийти с работы в 14 часов, а то и позже, накормить домашних животных, убрать в доме, приготовить различные закуски».

Спохватившись, что увлеклась воспоминаниями и что она не одна, Ирина закончила свой рассказ. Напротив, в креслах разместились Петер и наша младшая сестра Надежда. Петер – супруг Надежды, Петер до этой встречи лично не был знаком с Вернером, несмотря на то, что Петер и Надежда живут в Германии. Не был он лично знаком и со всеми нами Филатовыми.

Но Надежда продолжила воспоминания Ирины. «Ты знаешь, Петер, – сказала она, обращаясь к мужу, – я слушала сейчас своих сестёр, и вспомнила, как я узнала о судьбе отца. Это было приблизительно в 1977 году. Тем летом я закончила Икрянинскую среднюю школу. Наша семья жила на краю села. Стояло как обычно жаркое астраханское лето. К вечеру жара уже спала, и солнце спряталось где-то в камышах речки «Бахтемир».

Отец и я еще сидели в сумерках за вечерним чаем, когда мама и сестры ушли смотреть телевизор. Света не зажигали, чтобы не привлекать комаров.

Папа, сгорбившись, и оперевшись локтями на колени, сидел на табуретке и тихонько раскачивался. Его направленные к полу ладони с красивыми, длинными пальцами сходились и расходились, неслышно похлопывая друг о друга.

Какое-то время мы молчали.

«А семью то царя после революции сослали», – сказал тихо папа.

«Зачем?» (В то время никто ведь не задавался вопросом, где царская семья, и вообще, были ли у царя дети, – во всяком случае, в школе этого не изучали).

Как бы не замечая моё восклицание, папа молча продолжал раскачиваться на табуретке.

«У него было четыре дочери: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и сын Алексей».

«Их тогда пытались уничтожить, да не удалось. Спасли их, а вот когда вывозили из города, по дороге напали и стреляли в них. И в детей тоже стреляли? Дети же ведь не виноваты?» – спросила я.

Отец только пожал плечами.

«А сколько же им было лет?» – не могла успокоиться я.

«Девочки то были постарше, а мальчик мне ровесник». Мурашки пробежали у меня по коже, перед глазами предстала страшная картина нападения бандитов, стрельбы. В голове звучал только один вопрос:

«А в детей то зачем?»

«По закону зеркального отражения – события, происходящие на земле, отражаются в космосе», – произнёс отец.

Папа часто рассказывал о своей жизни, как он скитался в детстве, а также о жизни до революции. Например, он рассказывал, что раньше (до 17-го года) на одну копейку можно было купить «громадную» сливочную ириску. Надо сказать, что он особенно любил эти конфеты, они ему напоминали детство.

«Ты знаешь, Петер, – сказала Надежда, – свои рассказы и воспоминания отец не комментировал, мы сами делали выводы и не задавали вопроса, откуда он все это знает, наивно думая, что все это изучают в институте или в Университете». Надежда закончила рассказ и замолчала. Глаза её были полны грусти. Ольга обратилась к Вернеру: «Ведь ты, тоже знал отца, расскажи нам о своих впечатлениях от встречи с ним, нам всем будет интересно».

Вернер стал вспоминать о своей встрече с отцом.

«Кроме Вашей семьи, я, определенно, был единственным, кто беседовал с Царевичем. С 31 октября 1983 года по 31 мая 1989 года я был представителем одной из немецких фирм на месторождении газа, которое находится в 72 км северо-восточнее г. Астрахани. Это на границе с сегодня уже самостоятельным государством Казахстан. Мы жили в отеле «Лотос» в г. Астрахани и ездили на работу на месторождение каждый день. 9 мая 1984 года я совершал с коллегами поездку на теплоходе по Волге. Тебя, Ольга, вместе с твоей сестрой Ириной я встретил на этом же теплоходе. Вы помните, мы разговорились, и я предложил вам по бокалу Крымского шампанского. Ты, Ольга, тогда работала в гостинице, где мы проживали. Я решил, что встреча была случайной. Но как рассказала Ольга позже, несколько недель спустя, наша встреча случайной не была. Это была запланированная встреча. Ольга сказала мне: «Это был мой план, и я была убеждена в том, что тебе можно доверить чрезвычайную тайну нашей семьи». Так я был посвящен в тайну единственного сына царя. Он, учитель-пенсционер, проживал с 1970 года в городке Икряное, недалеко от калмыцких степей, под именем Василия Ксенофонтовича Филатова.

Я узнал, что вы жили в небольшом домике с большим садом, который купил ваш папа. Лидия Кузьминична, ваша мама, также была учительницей. И она, как ваш папа, теперь была на пенсии. У них на двоих была хорошая пенсия, так как они оба долгое время работали в отдаленных деревнях в школах Сибири“. Ольга перебила Вернера и сказала ему: „Вернер, ты расскажи самое главное. Мы ведь знаем, где мама с папой жили и кем они работали до пенсии. Мы же были свидетелями их совместной жизни“. Вернер ответил: „Хорошо Ольга. Я помню, как в один из солнечных осенних дней 1986 года, я вместе с тобой, отправился в Икряное. Я ехал нелегально, так как на эту поездку у меня не было разрешения моего предприятия. Нам предписывалось иметь разрешение на выезд даже тогда, когда мы выезжали на рыбалку, на небольшую речку. Эта богатая рыбой речка находилась от нашего отеля в 20-ти км. Теперь же я отправлялся в Икряное, которое находилось в 45 км от города. Я находил это для себя настолько увлекательным, что не думал ни о каком разрешении. Я хотел познакомиться с Царевичем.

И Царевич рассказал мне: «Когда я на некоторое время пришел в сознание, то обнаружил, что около меня находятся братья Михаил и Фёдор Гладких, а также сторожика с местной железнодорожной станции. Оказывается, они отвезли меня в ближайший дом и перевязали меня тряпкой из белья. Это было в г. Шадринске. Они сказали мне, что, при выходе

из города на нас напали бандиты. Родственники Миши Гладких, братья Филатовы, имели там дом, который был обнесён высоким деревянным забором. Они занимались в г. Шадринске в то время сапожным делом. В этом доме мне промыли раны и, как могли, забинтовали, кроме всего прочего меня как следует, накормили. Спустя несколько часов я в сопровождении дяди Миши Гладких выехал в сторону г. Тобольска в село Дубровное, где проживали родственники Гладких. Там мы пробыли несколько дней. За это время дядя Миша организовал наше продвижение дальше в Сургут, за мной ухаживали, как могли. В городе Тобольске оставить меня на лечение было нельзя, так как могли возникнуть недоуменные вопросы о происхождении моих ран. Затем мы поплыли по рекам Иртыш и Обь, на пароходе, в Сургут. Плыли мы очень долго, с остановками, на это ушло 8 дней, так как мы вынуждены были попутно загружаться дровами. Из Сургута мы выехали на повозке, запряженной лошадьми, и через несколько часов поездки по тайге мы прибыли в лагерь оленеводов. Там жили „манси“, народность „остяков“. Дядя Миша знал это племя еще раньше, когда бывал в поездках по этой области. Эти поездки он предпринимал по поручению царя. После того как я прожил в лагере несколько дней, дядя Миша попрощался и уехал. И началось мое лечение, с использованием знаний народной медицины, и длилось оно больше полугода. К ранам привязывали травы, корни, листья, которые произрастали в тайге. Пища, которую я принимал в тайге, состояла из оленьего мяса. Иногда я ел его в сыром виде, причём в большом количестве. Как гость я получал в свой рацион питания ещё дополнительно и вареные олени глаза. Позже „манси“ мне объяснили, что прием в пищу сырого оленьего мяса обязателен, поскольку оно, несомненно, способствует компенсации при потере крови. Кроме этого я ел рыбу, которую ловили в реке Обь. Потом пришла зима. Жизнь протекала монотонно, поскольку светло днём было лишь с шести до семи часов. Иногда днём было совсем темно. Было очень много снега, и я, сидя в яранге, построенной из оленьих шкур, слушал рассказы „мансей“ об их путешествиях по тайге и тундре. Несмотря на господствовавший снаружи холод, здесь было тепло, так как пол был также выложен оленьими шкурами. Кроме того, круглые сутки на нас были надеты одежда, выделанная из шкур и мехов, диких зверей и оленей, обитавших здесь. Если днём было не очень холодно, мы играли с собаками „мансей“ на улице на снегу. Постепенно силы возвращались ко мне, и я уже мог лучше владеть своей левой ногой. В один из дней, когда первые стаи диких гусей потянулись мимо нас на Север, мы поняли, что зима прощается с нами. С этого дня мы могли каждый день наблюдать за стаями гусей, которые тянулись друг за другом. И вот (это было в конце апреля 1919 года) пришло время и нам попрощаться. Здесь меня лечили почти в течение года. „Манси“ сказали мне, что они скоро пойдут дальше на Север в Тундру, поскольку летом там произрастает лучший корм для оленей. В середине мая приехал дядя Миша, чтобы забрать меня. Прощание было не из легких, поскольку я сдружился с охотниками и оленеводами, и мы относились друг к другу с уважением и почтением. „Манси“ стали также готовиться к своему путешествию, и через несколько дней мы отправились на лошадях в обратный путь. Был конец мая. В это время большая часть реки Обь уже была свободна ото льда. Итак, мы возвращались в обратном направлении по Оби и Иртышу в Тобольск»...

Вернер закончил своё повествование. Его никто не перебивал, это был искренний рассказ-откровение, не придуманный для газет или журналов.

Многое пришлось Олегу увидеть в Германии. Познакомился он и с работой научных учреждений, в частности, на примере Университета им. Генриха Гейне. Надо сказать, что к моменту приезда Олега и Ирины некоторые газеты опубликовали статьи об их семье. Так газета «Бильд» опубликовала статью Конни Леманн. «Инженер из Крефельда нашел внучку последнего царя». Корреспондент писал о том, что Вернер Гавриш находясь в России в Астраханской области в командировке от фирмы «Маннесманн» познакомился с дочерью Цесаревича Алексея Николаевича Романова. В статье приводился краткий рассказ дочери Цесаревича и самого Вернера о его спасении и о том, что будет, если этот рассказ окажется явью.

Газеты «Зюддойче Цайтунг», «Франкфуртер Альгемайне» писали о том, как воспринимается идея монархии общественностью Германии. Оно однозначно высказывалось за реставрацию монархии. Согласно опросу, проведенному журналом «Бунте», 59,9% опрошенных поддерживало эту идею. Особенно сильно монархические настроения проявлялись в Баварии, где ещё в 1955 году похороны Принца Рупрехта, Главы Дома Витгельсбахов, были проведены на государственном уровне. Телефонный опрос показал, что 68% баварцев являются приверженцами монархического строя.

В прошлом германское правительство заявляло, что возвращение к монархии невозможно, так как для этого необходимо изменить конституцию. Однако поправки к конституции с целью дать возможность немецким вооруженным силам действовать вне Германии в составе войск ООН создают прецедент. Тогда неизбежно будет поднят вопрос о реставрации старинных монархий в стране, большая часть граждан которой являются монархистами.

Среди существующих монархических организаций выделялся «Союз Верноподданных», одним из лидеров которого является профессор В. Стрибрни. Союз издает журнал «Наследие и Задача» и поддерживает связи со своими единомышленниками в России.

Большой резонанс в Германии вызвала кончина Главы Прусского Королевского и Германского Императорского Дома Гогенцоллернов Принца Луи-Фердинанда, последовавшая 25 сентября 1994 году преемником его стал внук Принц Георг-Фридрих. Получалось так, что семья Филатовых прибыла в Германию как раз после этих событий.

В один из дней Вернер привез Олега с сёстрами на кафедру судебной медицины этого Университета. Лаборатории кафедры судебной медицины располагались в небольших белых двух трехэтажных зданиях. Около этих зданий росли деревья, и весь этот пейзаж напоминал пришедшему сюда, что во всем должны царить целесообразность и порядок, и ничего лишнего в этой жизни не должно быть.

Их встретил доктор Вольфганг Бонтэ. У немцев это называется институтом, здесь же располагалась и клиника. Он любезно познакомил гостей с коллективом сотрудников и показал лаборатории. Вокруг царила хирургическая чистота, всё напоминало о важности данного учреждения. И человек, войдя в клинику, понимал, что здесь решается его судьба. Он провёл их по кабинетам, где работали антропологи, генетики. Через некоторое время они оказались в кабинете доктора Альта; это был невысокого роста брюнет с коротко стрижкой, карими глазами и пронизательным взглядом. Он внимательно разглядывал вошедших. Профессор представил их доктору Альту. Доктор Альт пригласил гостей присесть. После этого он просмотрел фотографии царской семьи, которые они привезли с собой. Через некоторое время, выбрав из кипы фотографий, те, которые его заинтересовали, он положил их на стол перед профессором. Это были фотографии Императрицы Марии Федоровны, матери Императора Николая II, и сестры Олега Ирины, вторая пара состояла из моей фотографии и фотографии Императора Николая II, третья пара состояла из фотографии отца Олега Василия Филатова и Цесаревича Алексея. Когда профессор взял в руки фото, лицо его стало постепенно краснеть. Он держал фотографии в руках и безмолвно разглядывал их. Было видно, что он был потрясен сходством семьи Филатовых и семьи Императора Николая II. После некоторой паузы он сказал:

– Господа, Вам необходимо срочно сдать кровь на генетический анализ.

Доктор Альт стоял и улыбался. Был определен день, когда Олег и его сёстры должны были сдать кровь.

В назначенный день они прибыли в клинику. У входа творилось что-то невероятное – это были журналисты и фотокорреспонденты из разных журналов и газет. Доктор В. Бонтэ с группой коллег вышел навстречу Филатовым, и они все вместе сфотографировались на память. Он спросил у Олега:

– Господин Филатов. Как Вы думаете, нужно ли сегодня давать в прессу материал о начале работы и в последующем о ходе исследований, или мы подождём результатов?

– Господин профессор, я думаю, что мы ещё успеем об этом рассказать.

– Я согласен с вами.

– Господа журналисты, — сказал, обращаясь к ним, профессор, сегодня интервью не будет. Всем спасибо, до свиданья.

В этот день дети Василия Филатова сдали кровь на генетический анализ. У них взяли отпечатки пальцев и предложили подписать документы, о том, что в случае положительных результатов генетических исследований на родство с царской семьей (подразумевалось сравнение их крови с подлинными образцами останков Романовых) дело автоматически передавалось в Международный Суд ООН в г. Гааге. Доктор Бонтэ ждал и своего коллегу из России генетика Павла Иванова, который недавно побывал у него в гостях и получил премию и диплом. Семья Филатовых сделал всё возможное, чтобы он прибыл в Дюссельдорф к назначенному времени. Однако в назначенный день генетик Павел Иванов на встречу не прибыл, хотя ему были оплачены билет и страховка немецкой стороной. Господин Иванов П. прислал на кафедру факс о том, что он не может присутствовать, поскольку при прохождении таможенного контроля и паспортного у него оказался паспорт, который не соответствовал требованиям, предъявляемым к его изготовлению. Все это вызвало недоумение у присутствующих.

В это же время в Военно-медицинской академии был обследован стоматологический статус и проведено сравнение рентгеновских снимков черепов семьи Филатовых с данными, полученными учеными в ходе исследования останков, обнаруженных под Екатеринбургом. Следует сказать, что к исследованию стоматологического статуса, черепов посредством рентгена, и в последующем шейных позвонков привлекались такие ученые, как профессор Балин В. Н. ВМедА, профессор Черемисин – Военно-Медицинская Академия (ВмедА), профессор Попов В. Л., кандидат медицинских наук Ковалев А. В. ВМедА, профессор Трезубов В. Санкт-Петербургского Медицинского университета. Однако данные не были предъявлены семье Филатовых. Профессор Балин В. пояснил Филатовым, что никто им ничего не даст. Впоследствии им было заявлено, что они вообще их потеряли. Филатовы стали думать, что делать? Здесь следует сделать отступление и вернуться к тому моменту, когда Олег серьезно задумался над вопросом, каким образом следует решать проблему, связанную с проверкой биографии его отца. 22 апреля 1994 года Олег с Ольгой встретились в Зимнем дворце с Лево-нидой Георгиевной Багратиони-Мухранской супругой великого князя Владимира. Результатов эта встреча никаких не принесла. После этой встречи Олег решил посоветоваться с академиком Натальей Петровной Бехтеревой, с которой он был знаком ещё со времени своей работы в таможне. Созвонившись с ней и договорившись о встрече, он, в назначенное время пришел к ней в институт экспериментальной медицины. Она ещё раз порекомендовала Олегу все исследования проводить за границей. Она считала, что в стране отсутствуют основы, на которые могли бы ориентироваться все слои общества. Когда вышла ее книга «О мозге человека», Наталья Петровна подарила ее семье с надписью: «Олегу Васильевичу и его милой семье». С уважением. 21. VII. 94., подпись Н. П. Бехтерева. И вот они вновь встретились с ней, пришли всей семьей. Пили чай. Она познакомилась со всеми. Затем еще не раз Олег встречался с ней, советовался, как лучше организовать работу с учеными. С одним из таких ученых Филатовым пришлось долгое время сотрудничать и даже принимать участие в его судьбе, который работал тогда над докторской диссертацией на тему «Идентификация личности по шейным позвонкам и строению грудной клетки», куда включил и материалы по исследованию семьи Филатовых. Это был судебный медик Ковалев Валентин Андреевич. В свое время в 1991 году он входил в состав госкомиссии, которая занималась идентификацией останков, найденных под г. Екатеринбургом и уже тогда изучал возможность доказательства родства через поколения. Тогда у него появились некоторые проблемы, которые носили административный характер. Семья Филатовых выслушала его и решила помочь ему урегулировать их и обратилась к Наталье Петровне Бехтеревой. Она откликнулась на просьбу и, через руководство ВМедА

им. С. М. Кирова, оказала ему содействие. Филатовы, в свою очередь, организовали письма, выражавшие благодарность этому ученому за его деятельность в части идентификации личности солдат, погибших в ходе Чеченского конфликта. Письма были от «Комитета защиты культуры народов России», от священников. Все это помогло ему успешно защитить докторскую диссертацию 29 апреля 1997 года.

Прошел месяц октябрь, за ним ноябрь, и вот 14 декабря 1994 года профессор Бонтэ написал Олегу о том, что серологические исследования (генетические), которые оказались, как он подчеркивал, намного сложнее, чем ожидалось. Он писал ему, что сложность этих исследований состоит в том, что результаты анализов должны быть дополнены результатами исследований в Екатеринбурге. Он пояснял, что дело состояло в том, что в своё время применявшиеся ДНК-системы (ПСП) уже сегодня большей частью не употребляются, и поэтому очень трудно получить требуемые комплекты анализов.

И далее он подчеркивал, что из всех имеющихся 5 систем, они исследовали 2, и что результаты могли бы подойти. Комплекты для остальных 3 систем они заказали, но пока не получили. Заключительную оценку они могли бы вручить, по понятным причинам, только после применения всех 5 систем, наверное, только в новом 1995 году.

В конце он писал, что, само собой, разумеется, они были бы заинтересованы в разговоре со всеми участвующими в работе учеными, и что встреча могла бы состояться в Дюссельдорфе в январе.

6 января 1995 года немецкая кафедра судебной медицины прислала факс на имя судебного медика Ковалева Валентина Андреевича, в котором выражал радость, по поводу того, что кооперация успешно развивается.

Профессор Бонтэ просил содействия в получении несколько костных проб для ДНК-исследований, из найденных под Екатеринбургом и из останков Георгия Романова, особенно подошла бы компакта, то есть вытяжка материала из середины кости; речь шла примерно о 10 граммах пробы. В случае если бы в их распоряжении имелись бы другие кости, то речь, в таком случае, могла бы идти примерно о 15 граммах пробы. Профессор Бонтэ писал, что он был бы рад, если бы они все вместе смогли бы в скором времени встретиться в рабочей беседе в Дюссельдорфе. К тому же он выражал пожелание увидеть также профессоров Владимира Балина, Владимира Черемисина и профессора Владимира Трезубова.

Олег передал это письмо лично судебному медику Ковалеву А. В.

Ковалёв написал ответ. И в этот же день оно было передано факсом в Германию. Ковалев сообщал о том, что сотрудники Военно-медицинской академии и Медицинского Университета имени академика И. Павлова профессора В. Балин, В. Трезубов, В. Черемисин и кандидат медицинских наук А. Ковалев провели основной объем работы по экспертизе семьи Филатовых. Он писал о том, что они выполнили одонтологические и рентгенологические исследования и завершают математическо-статистический анализ полученных результатов и что они в ближайшее время, сформулируют выводы по первому этапу проведенных исследований и будут готовы изложить свое мнение по данному вопросу, чтобы наметить план дальнейших исследований.

Далее они просили сообщить дату и вид обсуждения, который бы устраивал немецкую сторону.

Но ничего этого не произошло и не могло произойти по той простой причине, что воли к этому у русской стороны не проявилось, и не проявляется она и сейчас.

В дальнейшем Филатовы решили организовать поездку для ознакомления с архивами в г. Екатеринбурге и г. Шадринске. Кроме того, предполагалось проверить по возможности версию спасения Цесаревича и попытаться найти свидетелей тех далёких теперь уже событий, проверить возможный маршрут движения Цесаревича, привязать его к местности, то есть реконструировать версию спасения.

Поездка состоялась в январе 1995 года. В группу исследователей, которая работала в архивах г. Екатеринбурга и г. Шадринска, вошли: доктор медицинских наук, профессор, председатель ученого совета Военно-Медицинской Академии им. С. М. Кирова в г. Санкт-Петербурге, судебный медик Попов Вячеслав Леонидович, протоиерей Николай Головкин, настоятель храма «Петра и Павла» в г. Санкт-Петербурге, а также председатель «Комитета защиты культуры народов России», протоиерей Владимир Басманов, настоятель православного храма В. П. Балва Латвия, майор милиции Симоненко С. К. и Олег. Профессор Попов В. Л. провел предварительные переговоры с журналистом газеты «Уральский рабочий» Курашовой Тamarой Александровной, которая познакомилась с ним еще в 1991 года, когда Попов В. Л. работал в составе Госкомиссии по идентификации останков, найденных под г. Екатеринбургом. По приезде в г. Екатеринбург протоиерей Головкин и протоиерей Басманов обратились к митрополиту Мельхиседеку за помощью. Однако митрополит Мельхиседек сослался на то, что этим вопросом занимается Госкомиссия, и не оказал содействия. Однако мир не без добрых людей. Директор православной гимназии Владимир Савельев разместил их у себя дома на постой. В первый день они посетили железнодорожную станцию Шарташ. Осмотрели здание, которому, как оказалось, 105 лет. Это подтвердила и уборщица. Все снималось на видеокамеру протоиереем Н. Головкиным. Расспросы вел профессор Попов В. Л. и протоиерей Н. Головкин. Отец Николай расспрашивал Олега о событиях 1918 года, которые стали ему известны от отца. Олег рассказал то, что знал. На другой день группа посетила место, где стоял дом Ипатьева. Олега удивило то, что другие здания, которые стояли напротив Ипатьевского дома по высоте были выше – это здание горного института, колокольня. Олег подумал тогда, что события, о которых так много было написано, могли иметь свидетелей в те дни и ночи. Этот момент мало кто учитывал. День был солнечный. Исследователи осматривали окрестности, где когда-то стоял Дом Особого Назначения. Сергей Константинович Симоненко решил посетить старые деревянные дома, и попытаться найти записи в домовых книгах о жильцах, в частности, об одном из них, о котором упоминал отец Олега, о Гладких Михаиле Павловиче.

Все обратили внимание на тот факт, что рядом с уничтоженным домом Ипатьева на следующей улице, целый и невредимый, стоял старинный деревянный дом писателя «Мамина-Сибиряка».

Олег с отцом Николаем Головкиным прошли в сторону от места, где был Дом Особого Назначения, и оказались в саду, который выглядел унылым и заброшенным. Начинаясь он за домом Ипатьева и заканчивался у р. Исеть. Теперь тут была свалка. Когда Олег там бродил, ему казалось, что он когда-то был там, и все ему там было знакомо. Душа его трепетала, он подумал: «Вот здесь ходил его отец со своими родителями, сестрами, и охрана наблюдала за ними. Жаль, что деревья молчат, жаль, что ничего уже не изменить, не вернуть, как это так устроено в природе, что умершие хранят молчание, наверное, человек всегда будет пытаться проникнуть в суть событий посредством общения с природой». И тут ему на память пришли слова, которые стали стихами. Они были несовершенны, но искренни и отражали его душевное состояние в тот момент.

После посещения места, где располагался Ипатьевский дом, они проехали с Вознесенской горки по Вознесенскому проспекту к ж/д поезду №184. Машина шла быстро. Скоро въехали в лес и стали спускаться в низину; лес в большинстве своем был смешанный, в низине он был таким же, но с добавлением кустарника. Водитель заблудился. Подъехали через ж/д поезд к какому-то заводу, спросили, где это место – место захоронения, оказалось надо возвращаться. Переехали два раза через переезд, вышли из машины и пошли пешком. Уже лежал снег, он таял, было грязно. Т. А. Курашова, ориентируясь по линии подвесного газопровода, подвела их к небольшой яме, где была грязь и вода. Подошли к кресту, сооруженному из железнодорожных рельсов. Ограды вокруг этого места не было, видимо родственники, которые предъявляют свои права на право решения судьбы найденных останков, либо не счи-

тают их таковыми, либо это политические игры, и смерть семьи последнего Императора России Николая II их никогда глубоко не волновала. Курашова Т. А. стала рассказывать об этом месте, как оно выглядело раньше, затем и о планах некоторых лиц, которые хотели бы проложить к этому месту туристические тропы, купить этот участок земли. Потом она перешла к воспоминаниям Юровского и долго не могла остановиться. Тогда профессор Попов В. Л. попросил ее посидеть в машине, чтобы не сбивать Олега своими рассказами. У него, видимо, была мысль о том, что сын Василия Филатова, находясь на местах тех далёких событий, очевидно, вспомнит больше, чем до этого рассказывал, то есть, возможно, это должно было оптимизировать его память. Но надежды на это были малые. Олег ведь не был свидетелем тех событий и располагал только той информацией, которую ему передал отец. «Чудаки!» – Подумал Олег. – «Видимо они думают, что отец рассказал ему, тогда ещё ребёнку про все ямы и бугорки, а он не придал этому значения, и забыл, а здесь всё вспомнит. Но во время войны здесь был танковый полигон. Это ещё ему офицеры рассказывали, когда он служил в Свердловске».

Олег знал только одно: его спасли солдаты 1-го Крестьянского полка при участии братьев Стрекотиных с Михаилом Павловичем Гладких и местными жителями, больше он, само собой разумеется, вспомнить ничего не мог. Да и здесь ли это было? А рассказывать о подробностях время ещё не пришло. Да и задачи такой тогда не стояло.

В это время Олег попытался сориентироваться на местности. Ведь отец рассказывал ему о мостках, под которыми он спрятался от преследователей. Но здесь ли это было? Ведь мостки могли быть и в другом месте, например, в Шадринске. Он пошел направо по асфальту, а затем прямо, и вышел на лесок, который находился справа от болота, если смотреть на него с дороги. Дорога находилась в метрах 10 от него. Тут же был и ж/д переезд. Конечно, он уже был другим, и дорога уже, как он выяснил, была устроена на новом полотне. Отец Николай вёл видеосъёмку. Олег подошел к одной из ям. Глубина 1 м, засыпана, и позади нее, слева от деревьев, он увидел узкие вертикальные железнодорожные рельсы, которые были в основании залиты бетоном. А за ними – ручей, который впадал со стороны дороги в болотце. Железнодорожные рельсы находились на насыпи. Насыпь перед ручьем обрывалась и продолжалась далее, и уходила в лесок. И тут же дорога шла среди деревьев и обрывалась у асфальта. Деревья на ней не росли. Олег подумал: «Вот, наверное, в таком месте и был тот мосток или другое сооружение, где могла застрять машина, которая в ту ночь везла убитых, а таких ручьев и речек тут много».

Развернувшись, к дороге, можно было увидеть и железную дорогу, которая уходила направо. Он представил себе, как это могло быть в ту ночь, и вполне реально ощутил, что отец не растерялся и сделал все правильно, пошел в сторону города на гудок паровоза, ведь это совсем рядом. Стояла ночь, и сколько там ему надо пройти – не просчитать, а жить надо было.

Вернулись в город вечером замерзшие, усталые, однако довольные. Вечером, сидя за столом вместе с хозяевами, говорили о многом, закусывали, хвалили хозяйку, вели разговоры. И тут профессор Попов В. Л. вдруг произнёс: «И где это Рябов с Авдониным набрали столько костей для захоронения?» Сам себя спросил. Все промолчали. Только Курашова заметила, что есть архивы о том, что в ту ночь сделали ложную могилу. Позднее это подтвердилось информацией в печати. На следующий день группа отправилась на «Волге» – пикапе в Шадринск, который находился в 200 км от Екатеринбурга, куда по версии Филатова В. К. привезли спасённого Цесаревича. Как только они миновали линию, разделяющую Свердловскую область от Курганской, они обратили внимание на то, что снега на полях нет, а пока ехали до границы двух областей, снег лежал на полях. Снега не было, солнце ярко светило. По прибытии в Шадринск они поехали в редакцию газеты «Шадринский гусь», где их встретили журналисты, с которыми они отправились опрашивать местных жителей. Вначале они нашли дом на улице Ленина, 5, нашли овраг тут же, о котором говорил отец Олега, это была окраина леса. Опросили девушку о Филатове, она ответила, что жила бабушка у элеватора, где теперь живет – не знает. В дом

они не попали: то ли там никого не было, то ли не открыли. Затем на этой же улице они посетили старушку, жившую через несколько домов от дома №5. Было ей 72 года. Звали ее Анфиса Анфимовна. Отец ее был сапожником. О Филатове-сапожнике ничего не сказала, семья которого и прятала у себя спасённого Цесаревича. Затем по совету жителей исследователи прошли через две улицы на улицу Тургенева. Здесь их познакомили со старушкой – Эсауловой Лидией. Ей было 90 лет. Она довольно бойко объяснила, что раньше ее улица носила имя Калиничева, а как называлась улица Ленина до революции, она ответила, что Николаевской. О доме №5 по ул. Ленина, о хромом израненном мальчике, которого привезли туда в 1918 году, она ничего не помнила. О сапожнике Филатове она ничего также не смогла сказать. Сказала только, что у них был сапожник Сыгучев. Разговоров на эту тему также не помнит. На фотографиях она также никого не узнала, то есть отца Олега и царевича Алексея. Правда, посмотрев на фото, сказала: «Это один и тот же?» Далее исследователи разделились на две группы. Отец Владимир Басманов и С. К. Симоненко отправились в городской архив. А Олег и отец Николай Головкин вместе с журналистом местной газеты и журналистом «Уральского рабочего» Курашовой Т. А., отправились в следующую семью. Попали они в дом Филатовой Валентины Леонидовны. Ей долго показывали фотографии, но она никого не узнала. Потом вдруг вспомнила: «Лет 30—33 тому назад собирал прокурор Филатовых по городу, он собирал их, значит, и моя мама, помню, ходила, раз она Филатова. Было объявление где-то, точно не помню, она знает, она ходила, и пришли туда Филатовы – брат с сестрой, Мария, может быть, не знаю, как отчество, Вагина потом уже, а еще у нее был брат, он жил у Осеевой. Они были брат с сестрой разные, и вот этим Филатовским они двоюродные братья, и какая-то Вагина жила в нашем подъезде. Мы ее так и схоронили». Далее она сказала, что она не ходила с матерью к прокурору, что ей тогда было 43 года. Мать не рассказала ей ничего. Таким образом, появилась информация о том, что в 1966 году прокуратура искала кого-то, при этом собирала самых старых жителей и, возможно, брали подписку о неразглашении. Возможно, это было связано с визитом Никиты Сергеевича Хрущева в Париж, где он встретился с Юсуповым, тот, может быть, имел какую-либо информацию о судьбе Алексея и знал, что он жил под фамилией Филатов, может быть?! Таким образом, эта часть работы была закончена.

А начавшиеся ещё осенью генетические исследования крови семьи Филатовых в Германии и антропологические, и другие исследования в Санкт-Петербурге, ни на день не останавливались. И вот 10 февраля 1995 года сотрудник Военно-Медицинской Академии в г. Санкт-Петербурге, Андрей Валентинович Ковалев, сообщает в Университет им. Г. Гейне, что он благодарен за то участие, которое они принимают в экспертной работе по семье Филатовых, и что он рад сообщить, что русская сторона закончила исследования стоматологического статуса семьи, телерентгенографию черепов (профессор В. Трезубов и В. Балин), рентгенологические исследования позвоночника.

Андрей Валентинович перечислил исследования по компьютерной томографии (профессор В. Черемисин и доктор А. Ковалев), сравнительное исследование, полученных результатов с останками №№3, 4, 5, 6, 7 из екатеринбургского захоронения и эксгумированными останками родного брата Николая II, Великого Князя Георгия Александровича, и предварительное исследование фотоснимков Цесаревича Алексея и Василия Филатова.

Доктор Ковалев писал профессору Бонтэ, что на предварительном этапе они пришли к выводам о том, что имеются достоверные соматогенетические признаки, указывающие на кровное родство Ольги, Ирины и Олега Филатовых. Проведенные сравнительные стоматологические и рентгенологические исследования, указывали на то, что кровное родство между семьей Филатовых и династией Романовых не исключалось.

Андрей Валентинович Ковалев предложил план, по которому предполагалось провести окончательные генетические исследования.

А затем предлагалось провести портретную экспертизу с использованием достаточного количества полноценных прижизненных фотоснимков Цесаревича Алексея (без художественной и полиграфической ретуши) и эксгумировать тело Василия Филатова.

Ковалев с сожалением сообщал, что их исследования не нашли поддержки со стороны органов следствия, связанного с гибелью царской семьи и что это на данном этапе препятствует их дальнейшему участию, хотя они прилагают все усилия.

Немецкая сторона основательно проводила генетические исследования, применяя те же системы, что и группа Гилла и Иванова в свое время. Немецкие учёные продолжили исследования уже без надежды на то, что русская сторона примет в данной работе посильное участие.

Олег продолжал переписку и 4 июля 1995 года вновь получил письмо от профессора Бонтэ, в котором он писал, что он послал ему документы с предыдущими результатами на русском языке.

Он просил его передать эти данные профессору Попову В. Л. и кандидату наук Ковалеву, что Олег и сделал.

Профессор Бонтэ напоминал, что ещё в январе месяце он сообщал господину Ковалеву А. В. о том, какие материалы им необходимы для того, что бы анализируя их, продвигаться дальше. Он повторил свою просьбу о возможности получения проб кости из екатеринбургских останков, которые гарантированно были бы идентифицированы как скелеты членов царской семьи. И в случае, если в его распоряжении имеются другие фонды (например, Георгия Романова), то они были бы в них также заинтересованы.

И подчеркивал, что более всего для экстракции ДНК подходит плотная кость (компакта), к примеру: материал из средней части кости конечности. Около 10 граммов для пробы было бы достаточно. В случае если принимать во внимание другие кости, то было бы лучше получить для пробы 15 граммов.

Далее профессор обращался к Олегу и разъяснял цели своей работы и подчеркивал, что институт судебной медицины Университета им. Генриха Гейне в Дюссельдорфе хотел бы проанализировать экстрагированную ДНК совместно с пробами семьи Филатова, и только тогда, на их взгляд, они смогли бы защитить себя от ошибок.

В этот же день Олег получил новое сообщение из немецкого Университета, в котором заведующий кафедрой писал о том, что разговор о происхождении семьи Филатова от последнего царя ведётся давно, и пояснял, что они предоставили первые результаты анализов, которые нуждаются в дальнейшей перепроверке. Он подчёркивал, что они готовы к этому, но для того, чтобы последующие результаты были независимыми, они должны будут получить другой исследуемый материал. Подробно он об этом уже сообщал. Профессор повторял, что в начале он проявлял интерес к совместной работе с учеными Санкт-Петербурга, но теперь, для того, чтобы дело не погубило, он рекомендовал Олегу срочно подключить к этому проекту и другие международные рабочие группы с учётом того, что исследования усложнились.

Вольфганг Бонтэ считал, что из соображения объективности и дополнительной исполняемости следует обмениваться рабочими группами и перепроверять данные исследования. И предлагал к работе научной группы из Санкт-Петербурга привлечь экспертов из Финляндии. Финские коллеги по его данным намного лучше были оснащены в научном плане.

Он был бы рад, если бы в обозримое время мог бы состояться рабочий разговор между различными участниками исследований.

Его просьба состояла ещё и в том, чтобы можно было бы как можно раньше согласовать подходящую для всех сторон дату встречи. Как всегда профессор передавал дружеские приветствия и пожелания в надежде на благотворное сотрудничество.

22 сентября 1995 года один из сотрудников института судебной медицины Университета им Г. Гейне генетик Вольфганг Хукенбек прислал Олегу факс с заверениями в том, что они подтверждают свою готовность продолжить исследования о возможном родстве семьи Фила-

товых с Цесаревичем Алексеем. Он выражал мнение, что ему следует обратиться в Финляндию для антропологического исследования своего стоматологического статуса, а после того как они будут закончены, то они были бы готовы к продолжению обсуждения результатов.

А 21 декабря 1995 года Вернер Гавриш сообщил Олегу, что господа, (имелся в виду, профессор Бонтэ), из Дюссельдорфа сделали запросы по данной теме в различные институты, в том числе и в Лондон. Однако положительных ответов не было получено, то есть, вообще не было никаких ответов. И что, по имеющимся до сих пор результатам, все имеет негативный оттенок. И что бумаги переданы, и, разумеется, что до 6 января 1996 ничего не произойдет, так как все будет на Рождественских каникулах.

Далее Вернер предавал всем приветы и желал радостного Нового года.

С такими новостями семья Филатовых встречала Новый 1996 год.

Надо сказать, что за это время Олег со своими друзьями для координации проводимой работы создал национальный гуманитарный фонд под названием «Живая история Отечества».

Руководителем фонда стал преподаватель юридического факультета СПбГУ Нефедов Дмитрий. Учредителями фонда являлись Лысенко Игорь Владимирович, студент Духовной академии. Активное участие в его работе принимали Коршунов Сергей Михайлович, его супруга Марина, представители фонда им. Толстого и ряд других организаций и граждан города, заинтересованных в изучении истории своего Отечества, города.

И уже 1 ноября 1996 года господин Нефедов отправил факс от своего имени профессору Бонтэ с предложениями о сотрудничестве в сфере идентификации личности человека.

Тот в свою очередь, получив данный факс, сердечно поблагодарил господина Нефедова. Он ответил ему, что, само собой разумеется, что он готов к любой кооперации.

В своем сообщении он указал на то, что он уже высказался о путях дальнейшего продвижения в исследованиях по этой теме в письме к Олегу. Идею о привлечении к данной работе живущих за границей членов семьи Романовых он считал естественной и очень хорошей и также предполагал, что данной проблеме, которую собирался решать фонд, необходимо было дать оценку. Он повторил свое предложение о желании заново исследовать пробы, взятые из скелетов, найденных под Екатеринбургом. Он разъяснял, что между тем технология по ДНК-экспертизам скачкообразно совершенствовались, и что они могли бы исследовать значительно больше систем. Он просил информировать его о разработке конкретных предложений.

События между тем развивались своим чередом.

27 ноября 1996 года Ковалев А. В. сообщил Вольфгангу Бонтэ, что он очень рад, что их сотрудничество может получить дальнейшее продолжение. На настоящий момент группой экспертов из Санкт-Петербурга и Хельсинки проведен ряд стоматологических и рентгеноцефалометрических исследований останков из Екатеринбурга, Великого Князя Георгия Александровича Романова и ныне проживающей в Санкт-Петербурге и Германии семьи Филатовых.

Рядом исследователей из Санкт-Петербурга проведены сравнительные исследования почерка и фотоснимков Цесаревича Алексея и Василия Филатова. Без всякого сомнения, решение поставленной задачи об идентичности личности Алексея Романова и Василия Филатова требует проведения комплексного исследования черепов, их рентгенограмм, томограмм, ДНК, фотоснимков, почерка и исторических (в том числе, и медицинских) документов.

К сожалению, подчеркивал Ковалев А. В., их исследования на тот момент носили разрозненный характер, что связано с целым рядом независимых от них факторов, и это привело к тому, что они не могут сейчас ни достоверно подтвердить, ни отвергнуть идентичность.

У Ковалева А. В. не вызывало сомнения, что окончательное решение данного вопроса имело бы не только большое нравственное значение, но и позволило бы разработать методологические подходы к решению вопросов идентификации личности погибших, в случаях поступления на исследование останков нескольких тел.

Он отмечал, что недостаточная разработка на тот день данного вопроса вызвала большие затруднения, как при проведении исследований останков из Екатеринбурга, так и при проведении им, и его коллегами, исследований погибших в Чечне. На его взгляд, тогда имелась реальная возможность продолжения доктором Бонтэ исследований ДНК в материале из волос и ногтевых пластин, и исследований с помощью разработанных методик в Санкт-Петербурге с использованием сравнительного анализа рентгенограмм черепа, позвоночника, почерка и фотопортретов.

Андрей Валентинович Ковалёв считал, что после того, как закончится проводимый этап, необходимо было бы провести обсуждение полученных результатов и плана проведения дальнейших исследований.

15 декабря 1996 кандидат медицинских наук Ковалев А. В. сделал очередное предложение немецкой стороне касательно семьи Романовых. Он хотел направить для проведения исследований, изъятые в июле 1994 года, в процессе исследования тела Великого Князя Георгия Александровича Романова, образцы биологических объектов (пряди волос с головы и ногтевую пластину пальца стопы).

Описал он эти объекты следующим образом:

«Объекты высушены в условиях комнатной температуры и влажности. При вскрытии захоронения ногтевые пластины и волосы головы находились под слоем воды, попавшей в закрытый медный саркофаг, в котором находился гроб с телом, во время одного из наводнений в Неве (наиболее вероятно, 1924 года).

Исследованные в 1994 году останки находились в состоянии резко выраженного жировоска, деминерализации костей и пропитывания мягких тканей, вышедшими из костей солями кальция и магния. Макроструктура костей была сильно видоизменена, большинство костей скелета были мягкими на ощупь и разрушались при незначительном тупом воздействии. Мягкие ткани в большей части областей тела сохранили свою макроскопическую структуру.

На рентгенограммах кости скелета представляли собой однородные рентгеновские тени, обычная, характерная структура костей практически повсеместно не прослеживалась. Представляемые Вам объекты находятся в двух бумажных пакетах и скреплены моей личной подписью».

Но не суждено было этим объектам попасть в Германию. Немецкие учёные не захотели исследовать останки младшего брата царя, поскольку им необходимо было исследовать только останки, найденные под г. Екатеринбургом. Хотя профессор Бонтэ и не отказался и от этих образцов и предполагал только совместное исследование, о чём четко пояснил в письме от 13 января 1997 года, что дал основательное согласие на кооперацию. Олег выслал ему материалы антропологических исследований семьи Филатовых.

Но он считал, что материал, который ему был представлен, в большинстве своем был на русском языке, а кириллица всегда создавала для него большие трудности, которые были связаны с переводом на немецкий язык, и поэтому доктор не смог или не захотел, высказать свое мнение по ним. Он предлагал проводить только исключительно исследования ДНК. Постановка вопроса могла быть, по его мнению, только об ошибочности Лондонских результатов в генетических исследованиях останков, найденных под г. Екатеринбургом. Он сообщил Олегу, что они в состоянии исследовать 14 ДНК (PSR) ПСР – систем.

Кроме того, он напомнил Олегу, что это исследование также должно быть оплачено и повторил свое предложение о получении Олегом соответствующих проб, и доставки их в Германию. Профессор Бонтэ считал, что все остальные действия не имеют смысла, и счёл целесообразным еще раз изложить мысль о том, какую задачу необходимо решить Олегу. И после долгих размышлений пришел к выводу, что пока отсутствуют предпосылки к рабочей встрече, она может быть излишней, и просил дать ему ясную справку о том, сможет ли Олег приобрести

данный материал или нет. В случае если Олег не сможет сделать это, то он должен будет ему объяснить, что они смогут обсудить в Дюссельдорфе.

Из переписки с профессором Бонтэ Олегу стало ясно, что профессор ясно высказал свои пожелания, и явно стремился к работе только с Екатеринбургскими останками, которыми Олег не располагал. Тогда данная тема развития не получила, но получила неожиданное развитие через несколько лет, и читатель узнает об этом чуть позже.

И вот после мучительных размышлений Олег решил подать своё первое заявление в Приморский федеральный суд г. Санкт-Петербурга об установлении юридического факта. Он подал его 13 мая 1999 года. А 19 июля 1999 года. Олегу отказали в приёме заявления с формулировкой:

«...принимая во внимание, что действующим законодательством не предусмотрено установление юридических фактов родственных отношений между умершими, а также по существу их идентификации, а также, принимая во внимание, что для внесения изменений в актовую запись при изменении фамилии, отчества, предусмотренный (согласно ГК РФ) порядок, указанное заявление не может быть принято судом к производству, так как не подлежит рассмотрению в судах». И далее суд определил, что в приёме заявления Филатову Олегу надо отказать.

1 февраля 2000 года Олег во второй раз подал заявление в Приморский федеральный районный суд г. Санкт-Петербурга. Оно касалось признания факта, имеющего юридическое значение. Олег прямо указал, что установление данного факта является осуществлением его естественного права – знать своё действительное происхождение. Такое право принадлежит ему на основании ст. 55 Конституции РФ. Заявление ему вернули вместе с документами, сославшись на то, что он не указал, какие юридические последствия последуют вслед за подачей его заявления. Далее 19.01.01. он подал заявление о принесении надзорного протеста в Городской суд и получил отказ за подписью зам. председателя Санкт-Петербургского суда Черкесовой Г. А. за №4г-249/01. После этого 10.10.01. Олег подал заявление в генеральную Прокуратуру РФ в управление по Северо-Западному федеральному округу на имя зам. генерального прокурора Государственного Советника юстиции 1-го класса Зубрина В. В.

Олег приложил к своему заявлению предыдущие заявления, ответы на них, кассационные жалобы, указал, что за эти годы было проведено 12 полноценных исследований, касающихся установления личности. Он также указал, что в этих исследованиях принимало участие 12 научных учреждений России и иностранных государств, и что было обследовано 45 военных и гражданских архивов и других организаций. Ответ был следующим: «Управлением Генеральной прокуратуры РФ в Северо-Западном федеральном округе рассмотрено ваше заявление от 10.10.01. Разъясняю Вам, что установление факта принадлежности к царскому дому Романовых не входит в компетенцию прокуратуры, так как в соответствии со ст. 1 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“ прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ. Согласно ст. 36 Федерального закона „О прокуратуре РФ“ прокурор в пределах своей компетенции приносит кассационный или частный протест или протест в порядке надзора на незаконное или необоснованное определение или постановление суда. В связи с этим, Ваше заявление направлено прокурору Санкт-Петербурга для организации проверки законности определений Приморского федерального суда, принятых по вашим заявлениям об установлении факта, имеющего юридическое значение. О результатах рассмотрения вам будет сообщено прокуратурой города в установленные законом сроки». Подписал данное письмо Начальник управления Генеральной прокуратуры РФ в Северо-Западном федеральном округе старший советник юстиции О. В. Логунов.

Городская прокуратура 28.11.01. за №8—991/01, в лице первого заместителя прокурора города государственного советника юстиции 3-го класса Е. В. Шарыгина ответила Олегу.

«...После проверки законности определений Приморского федерального суда и городского суда правовых оснований, предусмотренных ст. 330 ГПК РФ для постановки перед Президиумом Санкт-Петербургского суда вопроса об отмене в порядке надзора состоявшихся судебных постановлений, не имеется».

Из ответов судебных органов и прокуратуры Олег сделал вывод, что, прежде чем, он решится подать любое заявление на тему установления личности своего отца как Цесаревича Алексея, он должен будет решить весь комплекс вопросов, связанных с наследством Романовых.

Но вернёмся к событиям, происходившим в Германии 1994 года. Исследования, по установлению родственных отношений между семьёй Филатовых и семьёй Императора Николая Александровича Романова, начатые в генетической лаборатории Университета им. Г. Гейне, так и не закончились, поскольку российская сторона для проверки так и не предоставила образцы, так называемых «компакт», то есть выжимок из костей екатеринбургских останков. На первом месте оказался парад честолюбия тех, кто занимает соответствующий пост в определенном ведомстве, а правда – на втором. Печально.

Однако во время визита в Германию Олегу повезло. Он познакомился не только с немецкими учеными, но и с представителями других профессий. Память об этих днях он хранит до сих пор. Так, Вернер Гавриш познакомил его с Михаилом Лепиным, руководителем Торгового Дома «Тиссен». Под руководством Михаила Лепина работало 3000 человек.

Тогда в этой фирме царила атмосфера больших ожиданий, чем сегодня. Многие наделись на то, что в России, вот-вот воцарится атмосфера, которая будет способствовать созданию гарантированных условий для взаимовыгодного сотрудничества, то есть немецкая сторона ожидала условий, в которых иностранные капиталовложения не подвергались бы риску быть потерянными или замороженными. Немцы очень часто говорили об этом Олегу. Приводили разные примеры, рассуждая о полезности того или иного проекта, который можно было бы осуществить в России, если бы. И сегодня очень многое осталось как пожелание. Слишком большая страна Россия, чтобы в ней можно было бы все переделать за один день. Уже много лет прошло с тех пор, как бывшая ГДР присоединена к Германии, однако, и там ещё много нерешённых проблем в части переустройства предприятий и жизни граждан. А ведь когда-то жизнь в ГДР казалась по своим условиям достаточно обеспеченной и недостижимой для советского человека. Олег вспоминал, находясь в Западной Германии, о своем первом посещении ГДР в 1986 году. Эта была весна, апрель месяц. Он приехал поездом дружбы в г. Дрезден, о котором он к тому времени много узнал от отца, а ещё больше, изучая историю Германии в институте, на иностранном факультете, где он учился ещё в 70-е годы. Он побывал в Дрезденской картинной галерее, посмотрел сокровища королей Германии, в старинных замках, в частности в замке «Кёнигштейн» что в переводе на русский язык звучит как «Королевский камень». Помимо красот Южной Саксонии ему довелось увидеть и жизнь города и его пригородов. Гид с немецкой стороны, Вольфганг, много говорил о войне, о её ужасах и о том, что американские летчики сильно изменили облик города в конце войны своими бомбардировками, но затем город был заново отстроен. Облик города, конечно же, производил впечатление не только своими достопримечательностями: старинными зданиями, кирхами, торговыми площадями, музеями, но и своей чистотой и опрятностью, царившей повсюду, а также тем, что в рабочее время на улицах города почти не было видно людей. Особое впечатление на Олега произвело посещение концентрационного лагеря «Бухенвальд», вернее, того, что осталось от него – крематория, он шёл, как и все, по дорожке из гальки и песка, и у него было такое ощущение, будто под ногами хрустит не песок, а кости людей. На душе было жутко. Лица людей были строгими и сосредоточенными. Все переживали. В этот день погода была пасмурная. Люди шли молча. Молча разглядывали всё, что предстало их взорам. Он думал о том, что каждый день в этом самом лагере с образцовым немецким порядком и дисциплиной совершалось убийство людей,

и никто не мог этому воспрепятствовать. Ему думалось о том, что, если бы в 1917 году не случилось переворота в России, то история могла бы развиваться по-другому. Если бы России дали возможность завершить разгром Германии в 1-ю мировую войну, то, наверное, не было бы и Гитлера. Но был осуществлен другой сценарий, и переписать его сегодня невозможно. Тут ещё, ко всему прочему, в Дрездене им показали тюрьму гестапо. В ней к тому времени камеры были частично переоборудованы под общежитие для студентов. В эту тюрьму гестапо со всей Европы свозило арестованных руководителей подполья. Здесь, в одной из камер – одиночек, сидела в ожидании смертной казни, 80-ти летняя старушка, которая была руководителем подполья в Чехословакии.

Как она была устроена, эта тюрьма? А устроена была она так. Здание с виду напоминало обыкновенный жилой дом. Внутри здания имелся двор. Въезд во двор для машин был только с одной стороны. Двор был замкнутым. Окна кабинетов сотрудников гестапо выходили во двор, для того чтобы они могли видеть казни на гильотине, которая стояла посередине двора. Те, кому предстояло быть казненным, стояли за решеткой, толстые прутья которой образовывали двенадцать клеток, которые снизу и сверху, в свою очередь, были скреплены 2-мя горизонтальными прутьями и таким образом составляли нижнюю часть стены. Заключённые тоже должны были видеть казнь и осознавать то, что их ожидало в будущем. За стеной из прутьев, сегодня располагается музей, в котором представлены документы, содержащие финансовые отчёты о том, сколько надо было заплатить налогов родственникам казнённых за исполнение самой казни. Сегодня эти документы и экспонаты рассказывают посетителям о мрачном времени в истории Германии, когда страной правил Гитлер.

Такие же чувства он испытал и тогда, когда их привезли в замок «Кёнигштейн». Там, в горах, они шли по дорожкам из булыжника, со сточными канавками для воды. Олег спросил у гида: «Вольфганг, скажи, кто строил эти дорожки?» Он ответил: «Олег, строили их русские военнопленные». Уму было непостижимо представить себе, в одночасье, всю ту огромную массу русских людей, погибавших здесь в муках. Боже, что же это было такое? После всего увиденного он просто не мог смотреть на весь этот образцовый порядок. Весна на юге Германии была в полном разгаре. В это время Олег находился в горах Южной Саксонии. Он осматривал скалы, созданные силами природы. На скалах росли сосны. На деревьях уже набухли почки, и было видно по всему, что вот-вот на них появится зелёная листва. В лесу пели птицы. Прохладный ветерок напоминал туристам, что они в горах. В округе был слышен людской гомон. Это приезжие туристы переговаривались между собой на различных языках. Гуляя по дорожкам леса, они делились впечатлениями об увиденном. Группа находилась наверху гор, откуда была видна зелёная долина, по которой узкой лентой протекала река. Глядя на долину, на реку, на проплывавшие по ней теплоходы, Олег задумался и как бы отключился от всего происходящего вокруг меня.

И вдруг, ему почудилось, что перед ним появилась мама. Показывая вдаль рукой, на реку, она обращалась к нему и говорила: «Вот Олег, видишь, течет река, мощная, независимая, гордая, вот так и наша жизнь в России должна протекать».

И он вспомнил рассказ мамы о том, как много ей пришлось пережить за свою жизнь. А она ведь родилась как раз в тот день и год, когда царствование Николая II закончилось, и началась эра социализма. Он стоял и думал о том, что его мама, видимо, была послана Богом, для того, чтобы помогать отцу.

И вот он, любуясь ее горами и лесами, думал: «Почему его родителям досталась такая доля? Какой контраст между всем тем, что он видит, и тем, что ему рассказывали его родители о своей жизни. Они ведь одни из сотен миллионов русских людей, которые прожили такую жизнь. Но ведь и немцы много претерпели. Но живут то по-другому».

Поездка подходила к концу, и он не мог тогда предположить себе, что в этой самой Германии, в ее Южной части, в скором времени будут проживать его сестры, Ольга и Надежда,

которые выйдут замуж за немецких граждан. Не думал он тогда и о том, что найдутся в Германии люди, которые расскажут ему об истории его отца ещё раз и подтвердят тем самым ему то, о чём рассказывал отец. «Да! – подумал он про себя, – впечатления от поездок за рубеж действительно дают пищу для размышлений и философских обобщений».

В 1990 году он вновь побывал в Германии на этот раз в городе Гамбурге. Это уже была Западная Германия. Однако ничего его не удивляло. Всё выглядело естественно. Русская туристическая группа, сами по себе. Немцы, жители Гамбурга, сами по себе. И это правильно. Действительно, кому какое дело до них до всех. У них своя жизнь, у гостей своя. Они отдыхающие, а немцы-жители этого города, работающие, создающие, всё необходимое для своей страны.

Всем известно, что город Гамбург – это один из крупнейших портов Европы. И конечно, главное в этом городе – это порт, ворота страны. Город-порт Санкт-Петербург также является главными воротами страны, нашей страны-России. Объединяет эти города Балтийское море. Конечно же, Гамбург отличается от Санкт-Петербурга. Это другая архитектура, другой стиль, другие обычаи, другая вера. В глаза бросалось, что в этом городе было много высоких зданий. Когда Олег подлетал к этому городу на самолёте, то сверху он видел, что сам город, состоящий из высотных зданий, окружён огромным количеством небольших домиков, утопающих в тени садов. Ленты рек и каналов пересекают землю. С высоты очень хорошо просматривались портовые сооружения. Рядом у причалов громоздились, в буквальном смысле этого слова, океанские грузовые корабли. Размеры этих кораблей действительно поражали воображение. В Гамбурге в годы Второй мировой войны было разрушено большое количество зданий, причалов и улиц. Многие были восстановлены и отстроены заново. Война не щадила никого и ничего: ни людей, ни памятники культуры, в том числе и церкви. Уцелевшие церкви были восстановлены. Самые известные из них, и самые крупные – это церкви «Святой Катерины», «Святого Михаелиса», «Святого Николая», «Святого Петри», «Святого Иоханниса». Время, когда были построены эти церкви, относится к 12-14-16 векам. В церкви «Святого Михаелиса» проходят органые концерты. Церковные службы в кирхах ведутся через микрофоны. Кирхи очень высокие, и их можно увидеть издалека. Кирха «Святого Иоханниса» стоит в центре города, рядом с озером «Аусенальстер». Озеро длиной 2800 м и шириной 1000 м является излюбленным местом отдыха горожан. На этом озере проходят парусные регаты. А кирха «Святого Иоханниса» находится также рядом с телевизионной вышкой Гамбурга и является символом города. Она исполнена в чисто готическом стиле. Кирхи резко отличаются от православных церквей и соборов, как по своему построению, так и по внешнему и внутреннему убранству. В кирхах не увидишь богато расписанных алтарных врат, икон, покрытых сусальным золотом. Сами иконы находятся в серебряных или золотых окладах. А лики святых, изображенные на русских иконах, выглядят совсем иначе, чем те, которые увидел Олег в немецкой кирхе. Таких икон, как, в России, например, как икона «Владимирской Божьей матери» или список с «Казанской иконы Божьей матери», как известно, в Германии не писали. Подлинник «Казанской иконы Божьей матери» хранится в Ватикане. Зато в одном из портовых магазинов Гамбурга Олег обнаружил большое количество церковной утвари и икон, вывезенных явно нелегально из России. Сама церковная служба в кирхе, по своей обрядовости и традициям, отличается от церковной службы в православном соборе. Служба в православном соборе или церкви всегда выглядит величаво. Священники облачены в разноцветные ризы, и цвета их облачений всегда радуют глаз и подчеркивают важность момента. Сама обстановка во время церковной службы приподнимает человека над мирской суетой. Лики святых, изображенные на иконах, смотрят на молящихся. Иконы расположены на всех стенах церкви и освещены горящими свечами. И эти лики как бы подтверждают, что они рядом, и что они также принимают участие в общей молитве. Всё это придаёт церковной службе торжественный вид и оказывает незабываемое впечатление на молящегося. Хоровое церковное пение в Русской Православной Церкви также отличается от пения в кирхе. Так здесь вы никогда не услышите хорового пения

в размере – «Знамения», которое исполняется в России в монастыре Валаамского подворья. Пение в кирхе – это пение чисто лютеранское, католическое, по своему музыкальному строю, оно напоминает звучание органа. Эта особенность, наблюдаемая в пении, напрямую связана с развитием общества в Западных странах. Люди в этих странах не отказываются от своих традиций, в угоду кому бы то ни было.

В этом мире всё имеет определенный смысл. Глядя на созданное людьми, Олег думал: «Надо же, ведь всё это творение разума и рук человеческих. И всё этому человеку мало. Всё он не успокоится, и продолжает, как одержимый, соревнование с природой, для того, чтобы доказать себе и природе, что, именно, он является хозяином на этой земле. Но, как известно, природа своих позиций не сдает, и время от времени устраивает человеку встряски. То, что сотворил разум человека, воспринимается им самим с восхищением, но это он может позволить себе увидеть, только тогда, когда, оторвавшись от погружения в свою стихию, то есть каждодневную рутину, начинает осознавать, кто он, и что он и его дети проживают именно в этом мире каждый день своей короткой жизни. Он видит творение своих рук, видит одно-моментно. Факт осознания этого творения, сильно впечатляет, и даёт возможность человеку продвинуться дальше в своём развитии».

Находясь в Гамбурге, время от времени, глядя на все эти сооружения, творения архитектуры, автомобили, корабли, каналы, церкви, жителей, Олег задавал себе вопрос: почему в России мы не можем добиться такого жизненного уровня, чтобы жить в таких же комфортных условиях, как и они, немцы, наши соседи? А живут они с мыслью о том, что всё, что они делают, они делают для своих детей, которые и будут представлять в историческом процессе лицо Германии, их Родины. Казалось бы чего проще. Это ведь и нам должно быть понятно. У нас ведь тоже есть дети и Родина. Родина, такая огромная, в ней столько богатств, столько полезных ископаемых, но самое главное богатство – это ее народ. Народ многострадальный и героический, и именно этот народ, спасал неоднократно мир. И сегодня пора дать ему возможность жить достойной его жизнью. Понятие «стабильность» должно стать основой политической мысли. Пора русской общественной мысли вернуться на российские просторы. Пора перестать блуждать в поисках идеала. Ведь сам факт существования такой огромной державы и есть исторический факт того, что уже задолго до появления на свет современных политологов – исследователей, русская мысль поработала и сумела показать, и доказать свою состоятельность, которая и выражается в существовании самой России.

Автору не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, что все события происходили или могли происходить только в Германии. Нет, кроме Германии существует множество других стран. В частности, Финляндия, наша северная соседка, бывшая часть Российской Империи. Пришлось Олегу волею судьбы побывать и там. Всё ли так там было, как описывают туристические справочники? Или там уже от России ничего не осталось?

ПОД НЕБОМ СУОМИ. ДОРОГА В ХЕЛЬСИНКИ

По возвращении из Германии Олег продолжил работу по организации будущих исследований в Финляндии. Он обратился в Университет городов Хельсинки и Куопио и 7 августа 1995 года получил сообщение из города Куопио от судебного одонтолога, кандидата медицинских наук Колмакова Сергея Викентиевича. Он информировал Олега о том, что он обращался по теме идентификации личности Филатова Василия как Цесаревича Алексея к судебным медикам Финляндии, и они откликнулись. На эту работу дали согласие судебно-медицинский эксперт – доктор Риита Кауппила и сотрудник факультета судебной медицины Университета Хельсинки Кайса Лалу.

На основании документов, которые Олег представил господину Колмакову С. В., (они вызвали неподдельный интерес, и с ними досконально ознакомились ученые) были сформулированы соответственно следующие вопросы:

1). Возможно, ли провести исследования по идентификации Господина Олега Филатова в Финляндии на основании имеющихся в распоряжении сведений, и на основании имеющегося у факультета судебной медицины Университета Хельсинки опыта в таких исследованиях.

2). Необходимые для проведения исследований материалы (биологические).

3). Предварительная стоимость исследований.

4). Официальные каналы, через которые можно обратиться к непосредственному исполнителю исследований, в данном случае факультету судебной медицины Университета Хельсинки.

Согласно поставленным вопросам ответ был следующим:

«Если в вопросе стоит идентификация Господина Олега Филатова по фиологическим (генетическим) признакам с останками Екатеринбургского захоронения, то факультет судебной медицины Университета Хельсинки опыта в таких исследованиях не имеет, так как отсутствует система подходящей для этой цели тестовых наборов для составления генного паспорта столь длительно находившихся в захоронении останков. Эксперт-специалист в то время находился на обучении в Германии и должен был возвратиться в Финляндию в конце года».

Таким образом, поставленные вопросы не являлись релевантными по отношению к главному вопросу. Другие инстанции в Финляндии таких исследований, имеющих юридическую силу, в то время не проводили. Согласно данным на то время, господин Колмаков С. В. указал страны, в которых в свое время проводились исследования данного типа. Среди них он перечислил Германию, США. Россия там не значилась.

Господин Колмаков С. В. считал мнение и ответы специалистов из Финляндии честными и положительными. Он заверял Олега, что готов, как профессионал и как человек, помогать семье Филатовых и дальше.

1 сентября Олег получил от профессора Попова В. Л. проект договора о научном сотрудничестве. В нём сообщалось, что Петербургское научное общество судебных медиков и криминалистов, в лице его Председателя, профессора Попова Вячеслава Леонидовича, и кафедры Ротовой патологии Рентгенологии и Судебной одонтологии Университета Куопио, в лице кандидата медицинских наук Колмакова С. В. и кафедры Судебной медицины Университета Хельсинки, в лице начальника отдела стоматологии Хелены Ранга, заключили договор о следующем.

Далее шло содержание договора, в котором ставилась целью: исследование возможного фамильного родства семьи Филатовых (отца и четверых детей) с семьей Российского Императора Николая II.

Объектами исследования значились:

материалы экспертиз по судебно-одонтологической идентификации останков 9 человек, найденных в 1991 году под Екатеринбургом;

останки В. К. Филатова, захороненного в Астрахани;

Олег, Ольга, Ирина, Надежда Филатовы, проживающие в России и Германии.

Методы исследования:

комплексное судебно-одонтологическое исследование, включавшее следующий минимум методов:

одонтоскопия,

одонтометрия,

обзорная (общая) рентгенография черепа,

ортопантография,

рентгенография с прямым увеличением,

цефалометрия телерентгенограмм.

Место исследования:

Астрахань- эксгумация В. К. Филатова,

Куопио, Хельсинки – обследование детей В. К. Филатова,

Петербург – обследование останков В. К. Филатова, сравнительный анализ полученных результатов.

Дополнительными условиями были:

1. Договаривающиеся стороны должны были обеспечить друг другу возможность во всех исследованиях, предусмотренных темой и целью договора.

2. Стороны должны были иметь доступ по всем результатам, полученным участниками договора в ходе исследований, предусмотренных целью договора.

3. Публикации в научных и иных изданиях, а также доклады на научных и научно-практических конференциях, симпозиумах и т. п. должны были носить только совместный характер.

4. Привлечение к исследованиям по теме договора иных специалистов было возможно после уведомления и при согласии договаривающихся сторон.

5. По договору, финансовых обязательств стороны не несли.

6. Далее говорилось о том, что при отсутствии заявления сторон, договор автоматически пролонгировался.

7. Срок действия договора – 1 год.

В конце были адреса сторон и подписи участников.

Самого подлинника договора, с оригиналами подписей его участников, семья Филатовых так и не увидела. Колмаков С. В. сделал приписку о том, что на участие или не участие Хелены Ранты их сторона не настаивает, и что это можно определить самим. Это было адресовано профессору Попову В. Л., поскольку Филатовы Хелену Ранту никогда до этого просто не видели, и не знали, какого уровня она специалист. Далее профессор Попов В. Л. ответил господину Колмакову С. В., что все предложенные кандидатуры – весьма достойные специалисты. И что он будет рад, если они вместе с ним будут выполнять общую работу и подтвердил, что у него имеется аппарат для рентгенографии с прямым увеличением изображения и, что аппарат компактен, портативен и может быть использован при эксгумации.

Профессор Попов В. Л. спрашивал у финской стороны о том, что, если у профессора А. Пентилля и доктора Х. Ранты имеются предложения по проекту договора, то он просил бы прислать их факсом. Он не видел никаких препятствий, которые помешали бы им договориться. Вячеслав Леонидович подтверждал, что двери для профессоров Несмеянова А. А. и Вураки К. А. также открыты и надеялся на скорую деловую встречу.

5 сентября 1995 года господин Колмаков С. В. прислал Олегу факс на имя всех участников, то есть профессора Попова В. Л., профессора Несмеянова А. А. и профессора Вураки К. А.

В этом факсе он благодарил профессора Попова В. Л. за присланный ответ и сообщал, что он беседовал с Хеленой Рантой, которая провела переговоры с заведующим кафедрой судебной медицины Университета г. Хельсинки Антти Пенттиля и с доктором Кайсой Лулу (генетик) на тему генетической идентификации. Господин Колмаков С. В. утверждал, что все готовы к работе, но хотели бы ещё раз обсудить содержание договора с профессором Поповым В. Л., поскольку некоторые его положения были не ясны.

Члены семьи Филатовых были включены в договор, на правах исследуемого и биологического материала. Филатовым и тогда не понятно было, и до сих пор непонятно, то ли они были эталоном, то ли они были материалом, исследование которого не дало никаких результатов?

Господин Колмаков С. В. предлагал также на рассмотрение семьи Филатовых вопрос о приглашении к совместной работе врача-эксперта Риита Кауппила, в совершенстве владевшей русским языком. Она обучалась в 1-м ЛМИ им. академика И. П. Павлова и была заинтересована в совместной работе Петербургского и Финского обществ судебных медиков (особенно если принять во внимание возможности развития совместной работы в будущем), и что ее принципиальное согласие было получено. От себя лично он благодарил Олега за приглашение участвовать в совместном исследовании и с радостью принимал его. Далее он сообщал Олегу, что как только от Хелены Ранты что-нибудь появится в письменном виде (она обещала выслать факс), то он свяжется с ним. Колмаков подчеркнул, что у нее на кафедре имеется портативный рентгеновский аппарат, который можно было бы использовать при эксгумации останков отца Олега как вспомогательный инструмент. Другие методики обследования (например, прямое увеличение объекта с использованием фокусирующих микрозеркал рентгеновской трубки) следовало бы обсудить с точки зрения валидации метода. Доктор Колмаков подчеркивал, что финские врачи просто не знакомы с некоторыми из них. Профессор Попов В. Л. проводил также по этой теме свои разработки и поддерживал связи с «Зарубежной комиссией» и с «Фондом Романовых: «Романовы до 1918 года и после...», который возглавлял бывший ученый секретарь РАН СССР Виноградов Ю. А., а также с О. Н. Романовой-Куликовской, являющейся женой родного племянника Николая II, – Тихона Николаевича Куликовского. За время до поездки в Финляндию семьи Филатовых произошли некоторые события, которые показали им, как можно, используя свое положение, вводить в заблуждение людей. Это впрямую коснулось их семьи. Но это стало понятно позже. Профессор Попов В. Л., имея большой опыт в проведении исследований по судебной экспертизе, объяснил им, как будут проходить исследования. Они, конечно, полностью доверились ему, не имея опыта в таких делах, ибо в тот момент у них другого выбора не было. За несколько дней до поездки Филатовых в г. Хельсинки, господин Попов В. А. вместе с Виноградовым Ю. А. на несколько дней съездил в г. Петрозаводск, на поиски могилы Филиппа Семенова – претендента на звание Алексея. О результатах поездки Филатовым стало известно, со слов Виноградова Ю. А. Позже выяснилось, что там ничего не обнаружили. 20 сентября 1995 года профессор Попов В. Л. съездил в Москву на встречу с «Зарубежной комиссией» и выяснил ее позицию. «Мнения», – как он потом сказал, – «Совпали». Наконец настал черед поездки семьи Филатовых. Но еще чуть ранее, до поездки в Хельсинки, на базе стоматологической фирмы «Нордмед» в городе Санкт-Петербурге кандидат медицинских наук господин Колмаков С. И., профессор Попов, и коллеги Колмакова по совместной работе в финско-российском предприятии: доктор медицинских наук Вураки Константин Андреевич и кандидат медицинских наук Несмеянов Анатолий Александрович, обследовали стоматологический статус семьи Филатовых и сделали слепки их зубов.

28 сентября профессор Попов В. Л. отправил факс кандидату медицинских наук Колмакову С. В. о том, что он приезжает в Хельсинки 28.09.95. поездом «Репин». Цель деловой поездки: «Обсуждения и согласования программы научных исследований по проблеме «Германия и Россия», (судебно-одонтологические исследования), с кандидатом медицинских наук

Колмаковым С. В., с профессором А. Пентилля и доктором Х. Ранта. Вячеслав Леонидович также сообщал, что назад он возвращается тем же поездом 30.09.95.

А 29 сентября 1995 года, господин Колмаков С. В. выслал пригласительное письмо от фирмы Док Тим А/О (регистрационный номер 588.344 в Торговом регистре, адрес: Дункеринкату 5 кв. 1, ФИН-70500 Куопио) в адрес Консульства Финляндии в Санкт-Петербурге. Он просил предоставить мультивизу в Финляндию гражданам Российской Федерации:

1. Олегу Васильевичу Филатову,
2. Ольге Васильевне Филатовой,
3. Ирине Васильевне Можейко,

Цель посещений: Участие в судебно-медицинских исследованиях

Количество посещений: 5—6 раз в году

Срок пребывания/раз: 2—3 суток/раз

Просьба основана на подписанном 29 сентября 1995 года договоре. Договор включал в себя исследование, которое касалось идентификации претендующих на родственные связи с последним Царем России Николаем II членов семьи Филатовых. Договаривающимися сторонами являлись Факультет Судебной Медицины Университета Хельсинки, Факультет Ротовой патологии, Рентгенологии и Судебной одонтологии Университета Куопио, а так же Петровская Академия Наук и Искусств.

В Куопио, 02 октября 1995.

Письмо было подписано так:

С уважением:

Сергей Колмаков, директор-распорядитель Док-Тим А/О. ДМН. Ассистент-профессор. Кафедра Ротовой патологии, Рентгенологии и Судебной одонтологии, Университет Куопио.

После оформления документов на выезд, которое заняло почти месяц, Олег, и его сестры вместе с профессором Поповым В. Л., выехали на автомобиле рано утром 1-го ноября из Санкт-Петербурга в г. Хельсинки. Машину вел Глеб Владимирович Басманов, сын протоиерея Владимира Басманова. Выехав на Выборгское шоссе, Глеб Владимирович заправил машину горючим, и она двинулись дальше. На первом сидении сидел профессор Попов В. Л., а позади Олег и его сестры Ольга и Ирина. В Выборге они должны были пройти таможенный контроль. На своей стороне задержек не было, а на финской, Олега попросили открыть портфель, но через 2 минуты закончили досмотр. Глеб Владимирович забежал в магазин беспошлинной торговли и купил ящик пива, что называется «на дорожку».

Леса по обеим сторонам шоссе были такими же, как и в России, и это не удивительно: ведь Финляндия находится в том же климатическом поясе, что и Санкт-Петербург.

Шоссе, по которому они ехали было прорезано сквозь гранитные скалы. Повсюду были видны мотели, заправочные станции и, конечно, огромное количество гражданского транспорта и тяжелых грузовиков, которые двигались как в Россию, так и в Финляндию. Как показалось Олегу, ехали долго, поскольку в Хельсинки прибыли лишь к восьми часам вечера. При въезде в Хельсинки пассажиров ничего не удивило. Им показалось, что это Приморское шоссе, по которому они въезжают не в Хельсинки, а в Санкт-Петербург.

Олег смотрел, что называется, «во все глаза». «Надо же», – думал он – «Кто бы мог подумать еще тогда, в 70-е годы, когда он с отцом обсуждал эти темы, что ему придется ходить по улицам, где бывал отец. Ему и во сне не могло такое в голову прийти. А сегодня это уже реальность». Отец хотел, чтобы это осуществилось лет на 20 раньше. Олег всё время думал, о том, что до чего же люди близоруки, когда иной раз принимают исторические решения. Надо же было так долго переубеждать свой народ в том, что всё, чем он жил до революции – это было заблуждением. А вот раздаривать свои территории – это совершенно правильно. Но сегодня уже не вернуть того, что потеряно. Ему всё время казалось, что вот-вот кто-либо из друзей отца выйдет ему навстречу и спросит: «Ну, как, Олег, ты бережешь заветы пред-

ков?» Однако ему было совершенно понятно, что вряд ли кто остался в живых и рассказать ему о том, и что он хотел бы услышать, уже было некому. Пришлось довольствоваться тем, что сам увидел и узнал.

Наконец они прибыли в центр города к гостинице, имевшей символическое название «Гаага», где для них были зарезервированы места. Они разместились в номерах и хотели поужинать, но ужин не был предусмотрен. Олег и Глеб Владимирович поехали искать магазин, чтобы хотя бы купить хлеба. Однако в центре все магазины были закрыты. Им пришлось ехать на окраину города, где они и приобрели французские булки. Утром встали рано. Приняли, кто душ, а кто поплавал в бассейне, а затем двинулись к завтраку. С утра был «шведский стол». В семь часов за ними приехали Х. Ранта и С. Колмаков. Всем необходимо было прибыть в Университет г. Хельсинки. Почему так рано? Очевидно, в Университете в другое время проводились плановые научно-исследовательские работы. Все работы стали возможны с благославения Министерства юстиции Финляндии. К восьми часам утра все участники событий прибыли в Университет.

Х. Ранта привела Олега в фотолабораторию, где его долго фотографировали. Перед началом исследований участники собрались у входа в Университет, где и сфотографировались на память. В это же время по радио г. Хельсинки уже передавали информацию о начале исследований семьи Филатовых в Университете по определению их родства с семьей императора Николая II. После этого двинулись в рентгенкабинет, но просто так в кабинеты нельзя было пройти, двери были закрыты на электронные замки, каждый сотрудник Университета имел кодовую электронную карточку, с помощью которой он и открывал двери. Затем специалисты долго просвечивали их черепа рентгеном, а после этого проявили пленки, и какое-то время рассматривали их, при этом, они оживленно комментировали негативы снимков.

Первая часть исследований на этом была закончена. Научные сотрудники собирались провести обсчет полученных данных в трех разных лабораториях, независимо друг от друга в других городах Финляндии. Причем никто из них не должен был знать о том, что такие же расчёты одновременно с ними проводят и другие специалисты. Такая работа была ими проведена в декабре 1995 года.

В течение 1996 года и 1997 года Олег пытался выяснить: каковы же были результаты проведённых исследований. Он также надеялся получить их. Но он так ничего и не узнал. Финская сторона ссылалась на договор и на то, что все данные переданы профессору Попову В. Л., а профессор Попов В. Л. ссылался на то, что надо эксгумировать останки Василия Филатова и так далее.

А ответственность за эксгумацию на кого могла бы быть возложена? Решение суда отсутствовало. Речь-то шла о Цесаревиче! Какая простота! Ну, а результаты исследований у господина профессора будут храниться до лучшего дня?!

Впоследствии профессор Попов В. Л. потерял интерес к семье Филатовых, с точки зрения исследования их как биологических объектов. Контакты с ними он также не поддерживает, поскольку вопрос сложный. А они люди простые, и как говорится, чем богаты, тем и рады. А как все начиналось! Увы, иных уж нет, а те далече! Деньги кончились, и наука закончилась. А семья Филатовых затратила не одну тысячу долларов на эти исследования, продав дачу, а результаты от их глаз упрятаны. Они возвращались из Хельсинки в г. Санкт-Петербург, (это было третьего ноября 1995 года) и в тот момент, когда они достигли границы с Россией, внезапно пошёл сильный снег. И вдруг по радио они услышали, что скончался митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский владыка Иоанн. А ведь он благословил Олега на святое дело. Природа скорбела в это утро вместе с ними.

Олег был на его похоронах. Отпевание проходило в Александро-Невской Лавре. Всю службу он простоял у алтаря. Отпевание освещало телевидение. Когда служба закончилась, и понесли гроб с телом, священники поставили его меж своих рядов, и так он оказался рядом

с владыкой Крутицким и Коломенским Ювеналием и прошел с ним до Никольского кладбища, где и предали тело владыки Иоанна земле.

Телевизионщики, которые следовали рядом с ними, снимали все подряд, да вот только Олег не нашел себя в кадре рядом с владыкой Ювеналием, когда вечером в «Новостях» показывали траурную процессию. Прошли годы. А Олег каждый раз вместе с отцом Владимиром, Мурашовым Сергеем Владимировичем, приезжают раз в два месяца на могилу владыки Иоанна и там служили молебен. Святые места. Их много в Санкт-Петербурге. Эти места можно обнаружить на каждом кладбище, и Олегу хотелось бы, чтобы и его отец вернулся в свой родной город и был бы рядом, и его дети приходили бы к нему. Да, видимо, не скоро правда пробьёт себе дорогу через нагромождения лжи. Сколько терпения надобно, чтобы сделать работу в результате, которой скверна отойдет и уступит дорогу свету. Олег невольно думал: «Сколько же надо пройти и проехать тысяч километров, сколько людей узнать, в скольких странах побывать, чтобы все, о чем мечтал Василий Филатов, сбылось.

ПРИЁМ В ХЕЛЬСИНКИ

Запомнилось Олегу гостеприимство Университета г. Хельсинки. Ректор Университета устроил прием. На нём присутствовали специалисты из Университета, профессор Попов В. Л., а также он и его сёстры: Ольга и Ирина, – и их друг Глеб Владимирович Басманов. Приём, что называется, отвечал всем международным стандартам. Повара включили в меню, как Олегу тогда показалось, все рыбные блюда, которые на сегодняшний день популярны в Финляндии. Столы были выстроены квадратом. Приглашённые выстроились друг за другом и чинно и благородно, проходя мимо столов, выбирали, понравившиеся дары моря. Олег насчитал около пятидесяти блюд. Глаза, что называется, «разбегались». На него это произвело сильное впечатление. На приёме присутствовало 10 человек. Время прошло незаметно. Люди сидели за столом, и, общаясь между собой, с интересом разглядывали его и сестер. Шутка ли дело, ведь столько лет миновало, а тут живые Наследники. Да! Олег заметил, что портретное или родовое сходство также входит в понятие генетической памяти. Учёные почти не говорят об этом, или говорят, но редко. Для учёных это аксиома. Поскольку для них это привычная работа: сопоставлять, сравнивать, анализировать и так далее. Но не всем гражданам об этом известно. Об этом часто забывают и журналисты, которые пишут на эту тему. Олег вспомнил, как генетик Кайса Лалу, которая любезно согласилась подвезти его в своём автомобиле на прием в Университет, по дороге тайком время от времени поглядывала на него. Он подумал про себя: «Чего меня так рассматривать. Рассматривай, не рассматривай. Похож, не похож на царя, все равно придётся делать выводы на основе генетических исследований». Однако такова природа человека. Он и сам иногда не отдаёт себе отчета, отчего он так себя ведет, а не иначе. Так было и здесь. Одним словом, Божий промысел действует всегда. И было понятно, что люди думают о прошлом. Ведь Финляндия длительное время входила в состав Российской Империи. Например, известно, что маршал Маннергейм, руководитель Финляндии, писал в своих мемуарах, что при проведении референдума в стране, о выходе из состава России, финский народ высказался против, но правительство приняло другое решение. Может быть, тогда это было единственно правильное решение. Бог им судья. Очень многое в этой стране было связано с Россией. Финны помнят и чтят память русских Императоров. Так, в г. Куопио находится самый крупный в Европе музей Православия. Многие туда успели вывезти монахи с о. Валаам. Вывозили по льду Ладожского озера, зимой, иконы, церковную утварь, сумели спасти и самих себя. Сегодня в г. Куопио можно проехать автобусом. От автовокзала г. Санкт-Петербурга поездка занимает 10 часов.

В этом городе проживает хороший знакомый семьи Филатовых, профессор Колмаков С. В. Олег часто встречает его в клинике у профессоров Вураки К. А. и Несмеянова А. А., когда он приезжает в Санкт-Петербург по делам. Профессора Несмеянов А. А. и Вураки К. А. большие любители искусства и культуры. В их офисе на Тульской улице, можно увидеть картины, исполненные рукой художника Пугачева, с изображением различных эпох. Причем при ближайшем рассмотрении их также можно увидеть на этих картинах, изображенных рядом с Императором Петром I, который лечит зубы своим сподвижникам. Помимо картин в клинике в гостиной имеется рояль, а также телевизор, в кадрах растут фикусы, на столиках разложена литература. Всюду царит медицинская чистота.

Эти люди – подвижники. Они постоянно участвуют в международных медицинских стоматологических конгрессах, конференциях. А также принимают активнейшее участие в их организации, распространяя самый современный опыт лечения зубов, и новые методики. Эти методики разрабатываются ими совместно с учеными из многих стран мира, тем самым они прививают вкус молодым специалистам к современным технологиям в медицине. Олег с благодарностью вспоминает очередной симпозиум «Бюркель и компания», посвященный

проблемам имплантологии, прошедший в декабре 2000 года в Таврическом дворце нашего города. На него были приглашен и Олег вместе со своей супругой Анжеликой Петровной, которая руководит Региональным Общественным Фондом «Державные традиции». На симпозиуме присутствовали ученые из США, Израиля, Белоруссии, России, Финляндии, Германии и Канады. В эти дни Фонд проводил презентацию новой книги «История души, или Портрет эпохи». Книга была вручена самым известным ученым мира в области стоматологии и имплантологии. В этой книге была представлена информация об участии руководителей клиники «Нордмед» профессоров Вураки К. А., Несмеянова А. А. и Колмакова С. В. в исследованиях, посвященных идентификации Цесаревича Алексея, сына последнего императора России Николая II.

Когда Олег с сестрами находился в Финляндии в 1995 год, то к их приезду финская сторона хорошо подготовилась. Газета «Савон Саномат» 3 ноября 1995 года писала, что финны получили возможность изучать останки семьи царя Николая II, которые были найдены четыре года тому назад в Екатеринбурге.

Согласно утреннему сообщению радиостанции «Юлейсрадио», договор между отделением судебной медицины Хельсинкского Университета и Санкт-Петербургском исследовательским центром был подписан в среду, в Хельсинки.

К настоящему времени найдены останки трех из четырех дочерей царя. Двое из них опознаны – Ольга и Татьяна, однако относительно личности третьего тела пока нет полной уверенности.

По словам, судебного стоматолога Хелены Ранта, теперь финны получили возможность выяснить, чьими останками является тело третьего человека – дочери Марии или Анастасии.

Финские специалисты в области судебной медицины первыми из западных исследователей получили возможность выяснить, являются ли живущие в Санкт-Петербурге брат и сестра Филатовы, последними внуками царя.

Они уверены в том, что их отцом был покойный Наследник престола Алексей, останков которого не было найдено в могиле в Екатеринбурге.

Журналист Велламо Вехкакоски в своей статье в газете «Хельсингин Саномат» от 03.11.95. писал, что прошедшим августом судебный стоматолог из Хельсинки Хелена Ранта встретила в городе Вантаа с профессором из Санкт-Петербурга Вячеславом Поповым. Оба они принимали участие в конференции, на которую Министерство внутренних дел Финляндии и Центральная уголовная полиция пригласили специалистов в области судебной медицины и идентификации трупов из сопредельных регионов.

Попов В. Л. является ответственным судмедэкспертом большого Петербурга. Он также входит в состав комиссии, которая изучает останки расстрелянной в 1918 году в Екатеринбурге царской семьи. На конференции не говорили о костных останках царя, однако, по возвращении в Санкт-Петербург профессор Попов В. Л. связался с Рантой в отделении судебной медицины Хельсинкского Университета и попросил оказать помощь в исследовании. Попова В. Л. интересуют брат и сестры Филатовы из Санкт-Петербурга, которые подозревают, что их покойный отец Василий Филатов был сыном царя Николая II Алексеем. Насколько известно, костных останков Наследника престола не обнаружили в екатеринбургской могиле. Попов В. Л. и отделение судебной медицины Хельсинкского Университета заключили договор об исследованиях.

«В соответствии с пожеланиями Попова В. Л., в него было также включено исследование костей, обнаруженных в Екатеринбурге. О причине этого Попов В. Л. не сказал». Ранта считает, что более важным, чем Филатовы или возможные царские кости, является проверка того, как может развиваться сотрудничество специалистов судебной медицины через восточную границу. «В дальнейшем такое сотрудничество будет еще более важным, ведь в России остались неопознанными еще сотни людей».

Ранта, например, доверяет исследованиям, которые выполнил Центр патологий вооруженных сил США «Эй-Эф-Ай-Пи». В центре были исследованы образцы зубов и костей младшего брата царя Георгия, а также локон волос Николая II и следы крови, оставшиеся на носовом платке. «Эй-Эф-Ай-Пи» сообщил, что скоро опубликует результаты своих исследований.

Ранту интересуют антропологические исследования костей. «У меня в рабочем кабинете просто замечательные кости», говорит она. Самый старый из ее черепов – шведский из Вестероса, датируемый 300 годом. Ранта, кроме того, помогает археологам: она пытается выделить «ДНК» из середины зубов, а также определенные белковые соединения. «С их помощью можно, например, определить возраст в момент смерти. Такие биохимические исследования проводят ещё только в двух лабораториях в Европе».

Вместе с черепами в кабинете Ранты на полках хранятся десятки папок с диафильмами и фотографиями, на которых имеется надпись – «Эстония». Ранта входила в состав комиссии, задачей которой являлось идентификация жертв «Эстонии» в Финляндии. Две третьих жертв «Эстонии» были идентифицированы по зубам.

По зубам можно определить возраст жертвы, и даже то, была ли она левшой или правшой. «Люди чистят зубы с одной из сторон более сильно». По зубному протезу стоматолог практически сразу видит, из какой страны он.

Когда из жертв «Эстонии» оставалось неопознанными менее десятка, Ранта определила, кто из них финн. «Он действительно переехал в Швецию, но его пломбы выдавали финскую врачебную одонтологию 60-х годов».

По утрам в будни Хелена Ранта проводит время в Хельсинкской центральной тюрьме: вот уже шестой год она является главным стоматологом лечебного отделения для заключенных. В круг ее обязанностей входит развитие стоматологических услуг во всех финских тюрьмах.

До получения должности в тюрьме Ранта была в течение 12 лет преподавателем и исследователем в центре стоматологических наук Хельсинкского Университета. «Затем я захотела заниматься чем-нибудь другим. Работа в тюрьмах – это было у нас в роду». Отец матери Ранты Адольф Гротенфельт был более ста лет тому назад первым главным директором департамента здравоохранения заключенных.

Матильда Вреде сблизилась с ним, чтобы также попасть поближе к заключенным. Ранте также потребовалось разрешение нынешнего главного директора К. Й. Лонга, чтобы попасть к исследованию костей и тел; ныне она уже в течение нескольких лет является стоматологом-консультантом в отделении судебной стоматологии Хельсинкского Университета. Газета поместила фотографии судебного врача Кайса Лалу и стоматолога Хелены Ранты, изучающих рентгеновские снимки черепов Филатовых.

Фото было предоставлено агентством «Лехтикува».

Журналист «Хельсингин Саномат» Вехкаоски Велламо продолжил тему идентификации останков, найденных под Екатеринбургом. Заголовок статьи был следующим: «Отец никогда не говорил нам прямо, что он царский сын».

Он писал, что в Финляндии имеются хорошие технические возможности для подобного рода исследований, а независимые исследователи географически находятся очень близко, заявил ответственный за изучение скелетов из Екатеринбурга профессор Попов В. Л. в четверг в Хельсинки. Из Финляндии в исследованиях принимают участие пять-шесть специалистов, а из Петербурга примерно столько же.

«В данном случае деньги через границу не перечисляются, а каждая из сторон покрывает свои затраты самостоятельно», – говорит Попов В. Л.

Кости также не пересекают границу, а исследователи приезжают в Россию из Финляндии изучать их. «А не был ли Николай II канонизирован в России? Тогда кости бы точно не перевозили», – заявляет Ранта. «Исследование становится довольно заманчивым», – говорит Ранта. Около 75 лет, пролежавшие в могиле кости очень разрушились. Отделение судебной меди-

цины получило необходимые материалы для исследования из России. Ранта встретила также с британскими специалистами, которые проводили исследования остатков костей, «ДНК».

Генный материал был сравнен с образцами живых родственников царя, в том числе с материалами принца Филиппа, чья бабушка Виктория была сестрой царевны Александры. Исследования семьи Филатовых, по словам Ранты, не дают ответа на вопрос, являются ли они родственниками царя. По словам Ранты, в черепе имеются все-таки углы и размеры, на основе которых можно выяснить наследственность.

Семья Филатовых – Ирина (38 лет), Ольга (40 лет), Олег (42 года) выглядела изможденной вечером в четверг. Исследования в отделении судебной медицины Хельсинского Университета начались утром в восьмом часу. После этого представители средств массовой информации, начиная с американской «Си-Эн-Эн», забросали их вопросами: на основании чего Филатовы считают себя детьми сына последнего царя, Алексея? Что рассказывал их отец? «Отец говорил отвлеченно, но никогда прямо не упоминал, что он сын царя. Представьте себе, что это могло бы повлечь за собой в Советском Союзе. Его бы посадили в психбольницу», – говорит руководитель маркетинговой службы петербургского радиозавода, Олег Филатов.

«Он боялся также, что могло бы произойти с нами, с детьми», рассказывает Олег Филатов, а сидящие рядом сестры, инженер-химик Ирина и искусствовед Ольга, кивают в знак согласия.

«Но об этом он не говорил напрямую, и мы пришли к такому выводу, в конце концов, на основании его рассказов в нашем детстве и тех шрамов, что у него были. Но он всегда подчеркивал, что нам нужно самим думать и сравнивать с тем, что заявляется официально».

По словам Филатовых, их отец рассказывал о том, что царская семья была казнена в 1918 году в Екатеринбурге. Отцу было тогда 14 лет. «Он рассказывал, как будто это произошло с каким-то третьим лицом. Но когда он рассказывал о том, как их заставляли опять лезть к краю, могилы штыками, он говорил о себе», вспоминают Филатовы. По словам детей, отец рассказывал о своей судьбе намеками. Однако на основании этого дети сделали вывод, что во время казни отец был ранен, но смог убежать, когда царская семья была в могиле. «У него на теле была рана от удара штыком, хотя он никогда не был на войне», добавляет Олег Филатов. В течение всей своей взрослой жизни отец носил имя Василий Ксенофонович Филатов. «Он жил как обычный советский человек, по-другому в Советском Союзе было просто невозможно». Из-за работы отца-учителя Филатовы жили на окраине Советского Союза. Например, Олег родился в немецкоязычном районе в Оренбурге, что на Южном Урале, а сестры – в Вологде, в маленькой сибирской деревне. Василий Филатов умер 1988 году в Астрахани на берегу Волги. После переезда в Санкт-Петербург в 1983 году Олег Филатов начал выяснять судьбу отца только после его смерти. «Я просил даже провести официальные исследования, но их запрещали. Поэтому нам пришлось обратиться к таким людям, как, например, профессор Попов В. Л., которые проводят такие исследования как частные лица.

Все-таки поездка родственников в Финляндию для проведения исследований не была простой. Она бы не удалась без поддержки Русской Православной Церкви и частного фонда «Чернобыль».

«Однако профессор Попов В. Л. придерживался того мнения, что это исследование стоит осуществить», – продолжает Олег Филатов. «Проживающая в Германии в Штуттгарте наша сестра Надя Филатова Хертинг не смогла поехать в Финляндию». В октябре прошлого года брат и сестры побывали в Германии, где был изучен «ДНК», но исследований черепа проведено не было.

Ну, а если в результате исследований станет ясно, что отец Филатовых может быть царским престолонаследником? «На данном этапе мы не хотим пока определять свою позицию. Посмотрим сперва, что покажут исследования, ну а потом как-нибудь», говорят сестры и брат.

78-летняя мать Филатовых еще жива, она проживает в Санкт-Петербурге, где похоронен ее муж. «Человек всегда стремится быть похороненным там, где он родился», говорит Олег Филатов.

Подписи под фотографиями, опубликованные в газете гласили:

«Жители Санкт-Петербурга Ирина, Ольга и Олег Филатовы выглядели в четверг измученными. Им сделали рентгеновские снимки черепа, чтобы выяснить, являются ли они наследниками царской семьи, как им когда-то дал понять их отец». В газет были помещены фотографии с подписями:

«Царская семья перед революцией. Слева принцессы Ольга и Мария, царь Николай II, царица Александра, принцесса Анастасия, наследник престола Алексей и принцесса Татьяна».

Следующая статья в этой же газете называлась «Брат и сестры Филатовы побывали в Финляндии на исследованиях». В ней шла речь о том, что в соответствии с договором о сотрудничестве, финны провели запрошенные Попов В. Л. исследования, передали ему результаты и оставили ему свои комментарии. Первая часть договора уже выполнена. Трое Филатовых в октябре побывали в Хельсинки на исследованиях черепа и «ДНК». Результаты уже переданы профессору Попов В. Л.

Проблема заключается в том, что образцы, взятые у Филатовых, не с чем сравнивать. Так что Ранта надеется, что финские специалисты по судебной медицине весной побывают в России. «Мы готовы изучать, как найденные в Екатеринбурге кости, так и останки отца Филатова, если его могила в Астрахани будет вскрыта, на границе с Чечней».

У русских для этого нет денег. Попов В. Л. надеется на спонсорскую помощь из Финляндии.

Ранта не думает, что финны могут принести много нового в исследования костей. «Можем, тем не менее, гарантировать, что исследования будут проведены качественно. Затем останки можно будет задокументировать и захоронить. Теперь похороны отложены, по крайней мере, до февраля».

Финны хотят сфотографировать, сделать рентген и измерить кости из Екатеринбурга и кости отца Филатова, а также их черепа и снять с них образцы «ДНК». «Череп – это более надежный и безопасный источник взятия образцов „ДНК“, чем длинные кости, тем лучше, тем более что в екатеринбургских костях „ДНК“ осталось уже очень мало». Ранта хочет также сделать рентген, на котором были бы видны зубы мудрости дочерей. Они точнее показывают возраст, чем износ зубов. Ранта готова сотрудничать с теми лабораториями, которые уже изучали екатеринбургские останки. «Мы могли бы попросить у них, по крайней мере, сравнительный материал». Далее в статье, которую написала Катри Пелтола, излагался материал о Филатовых, которые проживают в Финляндии. Она называлась:

«Депутат Филатов «может быть» является родственником царю». В ней шла речь о том, что «род Филатовых также представлен в Финском парламенте. Депутат от социал-демократов Тарья Филатов, тем не менее, не знает, есть ли у нее какие-нибудь родственные связи с Филатовыми из Санкт-Петербурга.

«Депутат Тарья Филатов, являетесь ли Вы родственницей царя Николая II?»

«Все может быть. Не знаю, исследован ли этот вопрос. Наш род где-то лет двести назад переехал из Белоруссии поближе к границам Финляндии. Отцовский род, откуда мы получили фамилию Филатов, происходит из Ньюорёля, откуда-то оттуда».

«Я не знаю, кто из проживающих в России Филатовых мог бы быть нам родственниками. Там все-таки очень много Филатовых». В вашем роду не проводились родовые исследования? Мы с отцом такого не делали. У меня такое впечатление, что кто-то что-то исследовал, но ничего более подробного по этому поводу я не знаю».

Ну, а возможная родственная связь с царской семьей, не является ли достаточной причиной для проведения исследования? «Ну, поэтому поводу я уже слышала усмешки» Пусть

будет так. Наш род, говорят, был в слугах у царя. Не знаю, правда ли это, но пожилые люди полшутя рассказывают такие истории». Собираетесь ли вы заняться такими исследованиями? «Да, конечно, это было бы интересно. Надо только выяснить, проводил ли кто-нибудь такие исследования раньше. Отец наверняка знает». Таким образом, статьи, опубликованные в различных газетах, создавали положительный фон, в освещении самого начала процесса исследований, но в этом деле не обошлось и без ложки дегтя в бочку с мёдом. В процессе работы учёных у них нашлись и оппоненты. Так 19 декабря 1995 года в Куопио, где проходила часть исследований, связанная с попыткой идентификации Василия Филатова как Наследника Цесаревича Алексея Николаевича Романова отношение к группе исследователей было не однозначное. Один из сотрудников кафедры Ротовой Патологии, рентгенологии и судебной медицины адъюнкт Пертти Сайнио высказал свое несогласие с постановкой данной темы и возможности ее осуществления на базе Университета, и опубликовал критическую статью в газете «Савон Саномат» от 17 декабря 1995 года от имени Университета.

Своей публикацией он задел честь и достоинство членов группы, что привело к разбирательству с участием ректора. Господин Колмаков С. В. написал письмо в адрес ректора и самого Пертти Сайнио. Соответственно, в этой дискуссии постоянно упоминались имена членов семьи Филатовых, поскольку, так или иначе, наша семья являлась объектом исследований. Так господин Колмаков С. В. писал ректору Университета в Куопио, что он, ссылаясь на прилагаемую статью из газеты «Савон Саномат» обращается к нему с просьбой дать разъяснения на следующие вопросы:

1. «Является ли правдой, что “ У Университета Куопио. нет ни малейшей возможности помочь исследователям в разрешении судьбы последней царской семьи России».?

2. Был ли адъюнкт-профессор, Пертти Сайнио, уполномочен делать заявление для средств массовой информации от имени Университета (« У Университета Куопио, согласно заявлению профессора Пертти Сайнио, не имеет ни малейшей возможности помочь исследователям»?)

Далее он писал о том, что «...судьба последнего императора России царя Николая Второго и его семьи является до сих пор неразгаданным вопросом вне зависимости оттого, что сделаны многочисленные исследования для разъяснения дела (даже исследования по ДНК). В связи с особенностями дела в кругах историков, судебно-медицинских экспертов и судебных следователей это дело считается «самым мистическим преступлением века». До сих пор не решен вопрос о том, чьи останки были найдены в могиле расположенной недалеко от Екатеринбурга. Подтверждением этому является постановление Святейшего Синода Русской Православной Церкви, которое (высший церковный орган) не согласуется с решением о принадлежности останков царской семье Романовых и то, что захоронение останков было отложено.

Финско-российская судебно-медицинская группа была создана осенью 1995 года для решения только одного фрагмента всего дела, может быть наиболее значительного: «Являлся ли живший в России под именем Василия Филатова человек, на самом деле сыном царя Николая Второго, Алексеем?»

Члены исследовательской группы, как с финской, так и с российской стороны, представляют наилучшее знание в данном вопросе (адъюнкт-профессор Пертти Сайнио не входит в эту группу). Исследование само по себе является легко ранимым по натуре, и в силу значительного внимания к нему предварительные результаты исследований, по естественным причинам, не выдаются посторонним. Именно потому, чтобы не рождалось свободное толкование результатов исследования по заказам (именно в этом кроется самое большое количество источников подделок, не истинных знаний, которые порождают домыслы, а они в свою очередь слухи и ошибочные действия).

К финско-российскому историческому судебно-медицинскому исследованию царской семьи Романовых проявляется большой интерес в мире, в том числе со стороны представи-

телей династии Романовых, представителей Русской Православной Церкви, чиновников России и международных экспертных групп. Поэтому исследовательская группа считает важным представлять средства массовой информации только правду, а не домыслы или незнание. Если от имени Университета Куопио даются в средства массовой информации принципиальные сведения и домыслы, они могут повредить имиджу Университета в глазах общества и отрицательно повлиять на работу экспертов. Чтобы мое мнение не было бы голословным, привожу части упомянутой ныне статьи и мои замечания к ним.

Утверждения:

1. В Университете нет ни малейшей возможности помочь исследователям и разрешению судьбы последней царской семьи России.

2. Единственным способом выяснить загадку Романовых, по всей видимости, являются анализы ДНК, в которых сравниваются анализы крови покойника и его ближайших живых родственников.

3. Он подозревает, что единственным является посещения и поиск спонсорских денег.

Правда.

1. Служебная помощь запрошена и получена с кафедры ортопедологии стоматологического факультета Университета Куопио. Другая помощь или финансирование даже не запрашивались, и поэтому разговор о возможностях является преждевременным.

2. Останки находились в могиле, по меньшей мере, 50—60 лет. Кости сохранились почти наполовину, и они значительно повреждены. Какие образцы можно получить из костей? Где искать ближайших родственников? Кто даст гарантию в том, что они являются именно ближайшими родственниками, а не самозванцами?

3. Задачей визита являлись проведение исследовательской работы, которую и сделали с вечера пятницы и в утро воскресенья, а не поиск в субботу спонсоров для проведения эксгумации.

О таких домыслах я уже писал и прежде. Намек на то, что член-корреспондент «Петровской Академии Наук и Искусств» профессора Попова В. Л., приезжал в Финляндию только для поиска спонсоров, является оскорблением не только в отношении профессора, но и всей исследовательской группы. В кругу исследовательской группы предпочтительно велась беседа о привлечении в Финляндию исследовательского Фонда Романовы, задачей, которого является направление и финансирование независимых исследований, относящихся к Романовым.

Что касается проведения эксгумации, то финско-российская группа судебно-медицинских исследователей является экспертным органом, который не является заинтересованной стороной. Поиск необходимых средств для проведения эксгумации является делом заинтересованной стороны (заинтересованной стороной в данном случае является семья Филатовых, претендующая на родственные связи с царской семьей Романовых). Средства массовой информации сообщено только о проблеме Филатовых, но не о проблемах исследователей. Большую часть работы исследователи проводили и до сих пор проводят в свое свободное время без получения зарплаты. Конечно, члены группы были бы рады, если спонсорская помощь для исследований (а не для перевозки останков) была бы оказана.

Заявление адъюнкт-профессором Пертти Сайнио, в средствах массовой информации не соответствует действительности, и по своей природе является, либо предупреждающим, либо.

Так как ко мне обращаются с вопросами по поводу этой статьи, прошу Вас с уважением, дать разъяснения по делу для избежания неправильного трактования».

22 декабря 1995 господин Колмаков С. В. прислал Олегу факс, который он отослал в Германию генетику В. Хукенбеку в Университет им. Г. Гейне в институт судебной медицины, где он сообщал, что по поручению Олега Филатова он информирует его о том, что в настоящий момент финская исследовательская группа закончила антропологические измерения трех чле-

нов семьи Филатовых. Согласно исследовательскому протоколу (подписан 1 ноября 1995 года), конечные результаты могут быть представлены к публикации лишь тогда, когда пройдет дискуссия научных групп из Санкт-Петербурга и Хельсинки. Он писал, что они все заинтересованы в их (немецких) генетических исследованиях. Он также утверждал, что они также надеются на создание совместной кооперации между немецкой стороной и финской, и возможности обмена информацией, как можно в большей степени, между международными группами. Далее он просил доктора Хукенбека связаться с ним. Так закончился 1995 год.

После новогодних праздников доктор Колмаков С. В. прислал письмо, от имени заведующего кафедрой, профессора Антти Пентилля.

Профессор А. Пентилля официально подтвердил, что «...в рамках заключенного между Кафедрой Судебной медицины Университета Хельсинки и «Петровской Академией Наук и Искусств» договора (касающегося возможного родства между последним Императором России, Царем Николаем II, его семьей и семьей Филатовых), на кафедре проводятся судебно-медицинское и судебно-стоматологическое исследования граждан России Олега Васильевича Филатова, Ольги Васильевны Филатовой и Ирины Васильевны Можейко (Филатовой).

Исследования включают клинический осмотр слизистой оболочки, зубов, изучение стоматологического статуса по гипсовым моделям, рентгенологическое исследование челюстей и черепов (ортопанораматомография, боковая проекция черепа в кефалостате, РА проекция черепа в кефалостате), а также исследования ДНК крови.

На основании проведенных исследований (исследования ДНК еще не проводились) исследовательская группа ученых считает необходимым исследовать и других живых членов семьи, а так же останки Василия Ксенофоновича Филатова».

3 февраля 1996 года доктор Колмаков передал пригласительное письмо в консульство Финляндии в Санкт-Петербурге в визовый отдел. В нем говорилось, что Фирма Док Тим А/О просит консульство Финляндии предоставить многократную визу в Финляндию гражданину РФ, члену Международной коллегии адвокатов г. Санкт-Петербурга Петрову Вадиму Вадимовичу.

Цель посещения была указана, как имеющая непосредственное отношение к ведению дел, претендующих на родственные отношения с царской семьей Романовых семьи Филатовых.

Однако не все сбылось из намеченных планов по совместной работе как судебных медиков, криминалистов и генетиков, так и адвокатов. Но это нисколько не умаляет их вклада в эту работу. В последующем еще предстоит многое оценить и переоценить, именно тем, кто не захотел двигаться к достижению конечной цели познания истины. Это факт, и история человечества являла тому много примеров.

В 1996 года в Финляндии появилось ряд статей и интервью, в частности в Финском информационном агентстве, 11—12 февраля, а также в прессе, в газете «Илта Саномат» от 3 марта (статьи любезно предоставил кандидат медицинских наук, судебный одонтолог господин Колмаков С. В.) где один из шести членов финско-русской исследовательской группы доктор Х. Ранга, высказывала своё мнение на тему научных исследований семьи Филатовых, так и не законченных, которые по своему содержанию взаимоисключали друг друга. А после всех этих заявлений в прессе о том, что Филатовы, может быть, имеют отношения к семье Императора Николая II, а может быть, и нет, им прислали договор от этой же группы на продолжение исследований. Олег размышлял: «Непонятно было только одно, куда спешила Х. Ранга, и в угоду кому делались эти поспешные выводы о принадлежности семьи Филатовых к семье Императора Николая II или об отсутствии таковой, которые к тому же никто не подтверждал, но никто и не опровергал? Выводы были сделаны ею после исследования рентгенограмм неизвестного черепа. От кого она их получила, в статье не указывалось. Кто идентифицировал это череп, как череп, принадлежащий кому-то из Романовых, также не указывалось. И где и у кого

хранятся материалы, подтверждающие идентификацию этого черепа, также осталось неизвестным».

К тому же, по мнению самой Х. Ранта, согласно заявлению «Финского информационного агентства», череп обнаруженный под Екатеринбургом, имел в очень плохом состоянии зубы, по сравнению с жевательным аппаратом, найденного черепа предполагаемой Императрицы Александры Федоровны. Мне лично так до сих пор и осталось непонятным, кого с кем сравнивали.

На это же факт обратили внимание и в США, и это возбудило подозрение, что это не тот череп, так сообщало агентство. Полного исследования семьи не было. Не проводились исследования ДНК на основе сданной крови. Не проведены они и до сих пор. Не представил материал и профессор Попов В. Л., но слова его о том, что «родственные отношения между Филатовыми и Романовыми являются невероятными, однако не полностью невозможными», были приведены в газетных статьях.

17 марта 1996 года Олегу прислали из Университета г. Хельсинки новый договор, в котором говорилось о том, что касалось нашей встречи здесь в Хельсинки, и о том, что же финская сторона хотела бы сообщить Олегу и семье Филатовых информацию относительно складывающейся ситуации.

В документе шла речь о цели совместной научно-исследовательской работы, которая состоит в том, чтобы исследовать возможность того, что наш отец Василий Филатов, приходится сыном последнего царя Николая II. Финская сторона указывала на два этапа в изучении этого вопроса. В эти два этапа включались следующие исследования:

1. «Сквозное исследование всех членов семьи (Лидии, то есть матери, Олега, Ольги, Ирины, Надежды и эксгумация останков Василия Филатова). Использование цефалометрических измерений и анализов ДНК.

2. Сравнение результатов первого этапа с результатами идентификации останков из Екатеринбурга, то есть возможных останков Романовых. Заключение могут быть даны лишь после того, как все члены семьи будут обследованы (1-й этап).

Мы имеем доступ к материалу в Екатеринбурге. К настоящему времени мы завершили комплектацию первой части исследований Олега, Ольги, Ирины. Мы готовы продолжить исследования Лидии и Надежды выполнить эксгумацию Василия, следуя законодательству России. Мы принимаем на себя следующие аспекты, которые должны быть выполнены при эксгумации:

1. Василий Филатов хотел быть похороненным в Санкт-Петербурге.

2. Участники исследования – эксгумации:

а). Члены семьи Филатовых признают место захоронения и дают согласие на эксгумацию останков Филатова Василия.

б). Представители Русской Православной церкви: отец Владимир (Басманов), отец Николай (Головкин).

в). Члены исследовательской группы: профессор Попов В. Л., профессор А. Пентилля, кандидат медицинских наук Колмаков С., доктор Хелена Ранта.

г). Представители местных властей г. Астрахань, включая судебного патологоанатома.

3. Документация с помощью фотосъемки и видеосъемки, включая письменный протокол, подписанный всеми представленными сторонами.

4. Документирование останков контроль, отвечающий требованиям, «цепочка охраны» до Санкт-Петербурга.

В настоящее время представительство семьи Романовых не является обязательным. Мы хотим дополнить первый этап как можно скорее, для чего мы вошли в контакт с профессором Бонтэ. Он подтверждал, что «до сегодняшнего дня чувствовал уверенность в результатах Иванова и Гилла».

Далее учёные писали, что они хотели бы подчеркнуть, что анализы ДНК могли бы быть дополнены лишь только после всей выборки проб (образца), и они должны бы были быть собраны для страховки, чтобы гарантировать идентичные обстоятельства в течение анализа и сравнения.

В заключение письма писалось о том, что, если у Филатовых будет желание, чтобы они прокомментировали любую из тем, поднятых в этом письме, то профессор Попов В. Л. сможет быть доступен для дальнейших консультаций.

Письмо заканчивалось искренними пожеланиями и перечнем фамилий ученых, то есть Попова В. Л., А. Пентилля, Х. Ранга, К. Лалу, С. Колмаков. Так закончилась работа семьи Филатовых с совместной финско-русской группой.

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

А тем временем в г. Санкт-Петербурге тема: «Романовы и Филатовы», нашла своё продолжение в ходе защиты докторской диссертации. 29 апреля 1997 года Олегу довелось побывать на защите этой докторской диссертации докторантом кафедры судебной медицины кандидатом медицинских наук Военно-медицинской академии в г. Санкт-Петербурге Ковалевым Андреем Валентиновичем по теме: «Судебно-медицинская идентификация личности по особенностям строения грудной клетки и позвоночника». Длилась она тридцать минут. Надо отметить, что члены семьи Филатовых являлись живым биологическим материалом для исследований. Это значило, что информация, полученная в результате исследований черепов, позвонков, стоматологического статуса семьи Филатовых, была включена в тот объем статистического материала, который набирался и анализировался кандидатом медицинских наук Ковалёвым А. В. при написании данной диссертации, хотя она по своему объёму была во сто крат меньше основного материала. На защите были представители судебно-медицинских учреждений, как из центра, так и из округов, в частности, из г. Ростова-на-Дону. Там же присутствовали члены Госкомиссии по изучению факта умышленного убийства Царской Семьи на Урале в 1918 году, и по её захоронению профессор Звягин, профессор Попов В. Л. и другие. В качестве оппонента выступил и приглашенный на защиту профессор Егоров Г. Б. Один из оппонентов, а это была женщина, к сожалению, Олег не запомнил её имени и отчества, задала вопрос Ковалеву А. В. о том, почему у него часто повторяются наименования различных источников, на которые он ссылается в своей диссертации. Ковалев А. В. ответил в том духе, что современным студентам бывает трудно найти нужный учебник или научный источник, и вот для этой цели он и указывает несколько раз один и тот же материал, чтобы они смогли запомнить его и в дальнейшем с ним работать. Профессор Егоров Г. Б. подчеркнул, что будущий профессор Ковалев А. В. впервые применил в своей работе математический аппарат при расчетах и что это является новым словом в медицине. После выступлений присутствующих коллеги поздравили Ковалева А. В. с успешной защитой и вручили ему цветы. А между тем события развивались своим чередом. И получилось так, что 20 сентября 1997 года Олег был приглашён на Международную криминологическую конференцию в г. Санкт-Петербурге. Пригласил его туда его старый знакомый, профессор Ковалев А. В. На этой конференции были представители России, Финляндии и Прибалтики и ближнего зарубежья. На конференции обсуждались последние достижения в области современной судебной медицины и криминалистики, а также роль новых методов в раскрытии преступлений и уровень технической оснащённости лабораторий. С основным докладом выступил профессор Томилин, который сообщил об открытии семи лабораторий по генной идентификации, об их стоимости и о развитии в целом по стране современной криминологической науки и так далее

Там же Олег встретил своих старых друзей из Финляндии судебных медиков Хелену Ранту и судебного одонтолога Сергея Колмакова. На конференции присутствовал профессор Попов В. Л. В перерыве конференции, Олег сумел побеседовать с профессором Поповым В. Л. и Хеленой Рантой. Его интересовали результаты исследований, которые проводились в Финляндии по поводу идентификации с семьей Романовых. Он задал им вопросы, которые касались темы исследований в Хельсинки в 1995 году. При этом он адресовал вопросы ко всем участникам исследований.

Обобщающих выводов сделано не было, поскольку господин Попов В. Л. не представил на заключительном этапе оригинальных данных по исследованию черепа младшего брата царя Николая II, Великого князя Георгия Александровича. Однако профессор Попов В. Л. повторил свою мысль об эксгумации останков Василия

Филатова. Хелена Ранта объяснила, что все данные находятся в распоряжении профессора Попова В. Л.

Профессор Попов В. Л. пояснил Олегу, что, как только Филатовы дадут согласие на эксгумацию тела их отца, и для этой цели доставит его в г. Санкт-Петербург, то он, и его коллеги из Финляндии, приступят к работе по идентификации Василия Филатова как Цесаревича Алексея. Весь разговор Олег зафиксировал на диктофон. После этой встречи на конференции за все последующие годы он ни разу не встречал профессора Попова В. Л. Сегодня, ни профессор Попов В. Л., ни профессор Ковалев А. В. не работают в Военно-медицинской академии. Теперь профессор Попов В. Л. трудится в Областной судебно-медицинской лаборатории Ленинградской области, а профессор Ковалёв А. В. в Министерстве обороны РФ. Таким образом, тема идентификации Василия Филатова как Цесаревича Алексея, официально этими ученым более не подымалась. Оказывается, все упирается в желание или в нежелание семьи Филатовых дать возможность кому-либо или не дать такой возможности эксгумировать тело их отца для исследований. Семье Филатовых совершенно ясно, что эксгумация должна производиться на основании постановления суда или прокуратуры. Поскольку в ином случае это будет считаться нарушением закона. К тому же данные, добытые таким путем, не могут быть приняты официальными органами к рассмотрению в суде – это не корректно. Есть еще один способ для того, чтобы эксгумировать тело надо обратиться к нотариусу с заявлением о желании семьи перенести прах их отца по его устному завещанию на его родные места. Опять же, какова будет ценность добытого материала для идентификации судебными медиками и криминалистами, в присутствии которых будет производиться эксгумация тела, если не будет официального разрешения на их присутствие. Со стороны самих судебных медиков и криминалистов не была проявлена воля к тому, чтобы сделать какие-либо официальные заявления, которые бы говорили в пользу этой эксгумации, как острой и единственной необходимости, которая и является конечной истиной в научной инстанции, чего до сих пор и не произошло. Видимо, нет веских оснований у ученых для того, чтобы требовать эксгумации тела Василия Филатова. Эта история напомнила о себе на другой день после ухода со своего поста президент РФ Бориса Николаевича Ельцина. Финская сторона неожиданно прислала семье Филатовых все материалы, касавшиеся исследования их стоматологического статуса и сравнительных исследований черепов. Но выводы о работе российско-финской комиссии отсутствовали. Комиссия намеревалась сделать сравнительный анализ черепов членов семьи Филатовых и черепа Великого князя младшего брата Императора Георгия Александровича Романова. И настоящие учёные всё-таки сделали этот анализ, но выводы почему-то не прислали. Это удалось установить простым способом. Олег сосканировал рентгено снимок черепа младшего брата царя. Далее он разогнал его до огромных размеров. И на экране он обнаружил точки, которые обычно используются как реперные точки, при сравнении одного черепа с другим, при установлении их тождества. А здесь это были дырочки, сделанные тонкой иголочкой на месте расположения переносицы, на орбитах глаз, на скулах и так далее. Таким образом, Олег сделал вывод, что сравнительный анализ делали. Иначе, зачем было делать иголочкой маленькие дырочки на рентген снимке черепа младшего брата царя Великого князя Георгия Александровича, если отсутствуют сравнительные материалы, например, в виде снимков черепов семьи Филатовых? Только для того, чтобы просто сделать дырочки? Нет, конечно! А для того, чтобы, сделав на таких же снимках или на их копиях, такие же маленькие дырочки, не портя оригинал, наложить их друг на друга и увидеть результаты. А потом, просчитав процент совпадения, сделать определённые выводы. Только для этих целей, а не ради шутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.